

A man with dark hair and a goatee, wearing a silver chain necklace and a small earring, is looking down with a serious expression. His hands are clasped in front of him, showing tattoos on his fingers. A woman with vibrant red hair and bright green eyes is lying down, looking up at the camera with a slight smile. She is wearing a white shirt. The background is dark and smoky.

#ИДИКОМНЕ ТАТА КИТ

16+

Тата Кит

#идикомне

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67577235

SelfPub; 2022

Аннотация

Мы не выбираем, какими нам родиться. Никто перед рождением на свет не удостоивается чести выбрать из предложенного меню внешность. Когда всю сознательную жизнь терпишь унижения со стороны сверстников только потому, что не похожа на них, становишься чёрствой, закрытой и наполняешься понятной только тебе ненавистью к тем, кто считает себя вершителем чужих судеб. Ты их больше не боишься. Страх перед ними – чувство, смытое реками слёз в кабинке школьного туалета. Поступив в университет, я создала себе новую внешность, чтобы не привлекать повышенного внимания к своей персоне. Но оказалась не готова к тому, что меня очень быстро раскусит самый плохой и влиятельный парень университета.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	31
Глава 5	36
Глава 6	42
Глава 7	51
Глава 8	62
Глава 9	77
Глава 10	84
Глава 11	92
Глава 12	97
Глава 13	101
Глава 14	105
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Тата Кит

#идикомне

Глава 1

– Я думала, что пары длиной в полтора часа – это просто плохая шутка училок, – Карина устало влачилась за мной по бесконечному коридору универа.

– Ну, и как? Смешно тебе? – спросила я равнодушно, глянув на неё через плечо.

– Обхохочешься, – закатила она глаза. – Сразу после того, как хорошенько проплачусь в общежитии под крылом какого-нибудь таракана, обязательно посмеюсь над всем этим. И так каждый день.

– Четыре года подряд, – напомнила я ей и в ответ услышала смесь из мычания и рыдания.

– Не говори мне эти страшные цифры! Я еще не смирилась с неизбежностью того, что одна пара – это два урока. Скучных, нудных урока.

На лицах других студентов, идущих нам навстречу, читалась ровно такая же усталость после пяти пережитых пар. За мученнее всего выглядели первокурсники, которых всё ещё можно было отличить по слегка растерянному выражению лица. Те же, кто учились на последних курсах, в основном,

выражали пофигизм и почти брезгливую небрежность к нам. Да и выглядели они в целом так, словно делали огромное одолжение всему универу, явившись в его стены не в пижамах, как им, наверняка, хотелось бы.

Интересно было наблюдать за своеобразными кастами, образовавшимися в учебных коридор. Здесь без труда можно было вычислить «крутых типов», которые считали, что ширина всего коридора принадлежит одним лишь им и их широким плечам, на которых они несли своё высокомерие не только к другим студентам, но и к преподавателям.

Рядом с ними всегда ошивались «девочки-красавицы» или попросту «соски», у которых юбки, как правило, были короче волос на пустой голове. Глядя на них, складывалось полное впечатление, что одеваются они в витринах бутиков, раздевая перед занятиями очередного манекена, в шмотках которого и приходили в универ крутить задом перед крутыми типами. А те зачатки мозга, что у них имелись, предназначались только для того, чтобы регулировать ширину улыбку от идиотских шуток «крутых», и ловить момент, когда нужно будет картинно прикусить нижнюю губу, если один из «крутых» обратит на них внимание.

Забавнее всего было наблюдать за активистами. Эти ребята казались чудиками, пребывая в какой-то своей особой атмосфере, порой пробегая мимо зазевавшихся студентов в каком-нибудь нелепом костюме, и, крича друг другу что-то, должно быть, особенно важное. Самая неуловимая каста.

Всегда при деле, но никогда никуда не успевают. Даже на занятия, на которые они, в прочем, и не торопились никогда, потому что имели бласт в виде своей активной занятости в жизни универа.

Если «крутые типы» и их «соски» составляли подобие высшей касты, то активисты являли собой некое промежуточное звено между теми, кто был максимально крут и теми, кто являлся бледной тенью ни то, что элиты, а даже простых людей.

Ниже шла прослойка из зубрил, заучек и «ботаников», которые постоянно были в конспектах, передвигались по коридорам по стеночкам, опутив взгляд в пол, и, носили одежду, отобранную когда-то в неравном бою с бабушкой и молю.

Такой была и я – серая безлика тень, единственным ярким пятном которой являлась копна рыжих волос. В остальном, я не обладала никакими отличительными чертами, кроме особо крупных катышков на любимой застиранной клетчатой рубашке.

– В общагу сейчас? – спросила Карина, когда мы вышли из универа на широкое каменное крыльцо.

– Да, – сощурилась я от яркого осеннего солнца. – Перекушу и надо съездить в пару мест. Может, удастся устроиться на работу.

– Я бы тоже хотела работать, – выдохнула мечтательно моя одноклассница и соседка по комнате.

– Так поехали со мной. Может, возьмут.

– Я хотела бы работать, но я не хочу работать, – уточнила Карина, смеясь. – Прикинь, как гордо звучит «учусь и работаю» в глазах ровесников и родителей!

– Прикинула, – повела я иронично бровью.

Я никогда не отличалась высоким градусом общительности. Возможно, мне когда-то хотелось бы быть такой же безмятежной, болтливой, простой и открытой как Карина, но внешние обстоятельства порой служат отличной основой для воздвижения тюрьмы, в которую со временем каждое из этих качеств запирается на пожизненный срок.

Внутри каждого из нас имеется такая тюрьма. В ней надёжно упрятаны все те качества, которые не приглянулись социуму, оказались им отвергнуты под гнётом обстоятельств, и, чтобы не оставаться в стороне от людского одобрения и принятия, мы прячем их, заковываем в тяжелые ржавые кандалы и выпускаем погулять в крайне редких случаях, на короткие мгновения, чтобы хотя бы для себя самих помнить себя настоящими. А затем снова прячем их и накидываем маску, в которой нас принимают и не хотят укусьть побольнее.

Так сложилось, что в моей личной тюрьме слишком много меня, поэтому и я сама являюсь её затворником, и, стало быть, достаточно закрытым человеком.

Теплый осенний ветер поднял со старого асфальта листья и с шуршанием взметнул их в воздух. Прядь волос, выбившаяся из хвоста, завесила глаза. Привычным, отточенным

годами движением заправила ее за ухо и замерла.

Совсем близко раздался гогот компашки крутых парней. Я знаю этот смех. Ровно так же смеялись в школе, когда находили новую жертву и издевались над ней напоказ. Я знаю, потому что сама неоднократно являлась такой жертвой, которую обсмеивали и унижали в угоду людскому идиотизму и низменным желаниям.

По коже пробежали мурашки, подобно вставшим на дыбы лошадям. Тело и разум кричали мне о том, чтобы я убиралась отсюда как можно дальше и сделала вид, что ничего не слышала. Но подсознание, помнящее о том, каково это – быть жертвой, просило о том, чтобы я вмешалась.

Пробежала взглядом по парковке близ крыльца и у самого выезда с территории университета увидела короля. По крайней мере, именно так себя ощущал и преподносил Клим, он же – Никита Климов. Старшекурсник, которому нечем похвастаться, кроме богатенького папочки. Но, отчего-то, именно он являлся местным корольком, перед которым все негласно пресмыкались. И это бесило сильнее всего. Его высокомерность, заносчивость, вспыльчивость... и много другое, за что его можно переехать на его же «гелике» сотни раз, почему-то превозносилось другими как нечто, что заслуживало поклонения.

И прямо сейчас, пока «король» восседал на капоте своей тачки, у его ног разворачивалось представление, приготовленное его шакалами. Иначе компашку его прихвостней и

шестерок я назвать не могла. Эти придурки были готовы вылезти вон из кожи, чтобы понравится своему «корольку».

В этот раз жертвой их насмешек и легких, но, уверена, ощутимых и достаточно обидных ударов, стал парень, которого я иногда видела в общаге. И поводов для того, чтобы прицепиться именно к нему, у шакалов было предостаточно: толстый парень в розовой футболке и с очками на носу собрал целое комбо для того, чтобы сегодня внимание обратили именно на него.

– Какой же придурок, – выругалась себе под нос и зашагала в сторону компашки.

Лично я не видела ничего веселого в унижении человека толпой идиотов перед другой галдящей толпой идиотов.

– Яся, ты куда? – поспешила за мной Карина.

– Куда надо, – бросила, не обернувшись.

Я видела перед собой цель в веде большого розового пятна и шла к ней. Не станут же они бить девчонку на глазах у своих фанатов? Даже у отморозков вроде них есть свои границы, хоть и не самые четкие.

– Яся, ты с ума сошла? – прискакивала рядом Карина, пыталась поймать меня за руку, чтобы остановить. – Не лезь туда, ненормальная! Это не наше дело.

– Не наше? – резко остановилась и повернулась к девушке. – Не наше?! А если бы там была ты? Ты бы тоже так считала и не ждала бы хоть какой-то помощи, чтобы эти придурки отвлеклись от процесса твоего унижения хоть на се-

кунду? Если да, то напросись к ним следующей. Обещаю – вмешиваться не стану.

Скинула ее ладонь с плеча и на всем ходу врезалась в шакала, который дразнил парня его же очками.

– Эй! – вякнул тот, которого я оттолкнула.

Проигнорировала его гонор и отобрала очки, вручив их парню, который, похоже, без них почти ничего не различал вокруг себя.

– Ты как? – спросила я у него участливо.

– Нормально, – буркнул тот недовольно и стал отряхивать джинсы от пыли, в которой его успели извалять.

Отошла в сторону и под тихие смешки зевак и шакалов подняла рюкзак парня.

– Держи, – протянула ему лямку, за которую он зацепился.

– Уходи отсюда, – произнес он тихо. – Я сам справлюсь. Сейчас еще и тебе перепадет.

– Не бойся, – ответила ему вполголоса и громче, чтобы могли слышать все, добавила. – Они не станут на глазах у своих фанатов толпой бить девчонку. Иначе золотого мальчика лишат денежек.

Карина, стоящая неподалеку, пугливо выпучила глаза и бросила настороженный взгляд в сторону, где на «гелике» сидел местный королёк.

– Толпой не станем, – уж слишком тесно подошел к моей спине шакал. У самого уха клацнула смердящая пасть. – Я и один могу тебя воспитать, рыжуля.

Закатила глаза от «оригинальности» придуманной им специально для меня клички. Повернулась к идиоту, чтобы увидеть его лицо поближе, и неожиданно вздрогнула, услышав тихий, но достаточно внушительный мужской голос, раздавшийся с «гелика».

– Рава, отошёл от неё.

Глядя шакалу в глаза, насмешливо выгнула брови, тоже напоминая ему, где его место – подле ноги его хозяина.

Снова повернулась к парню в розовой футболке, который закончил отряхиваться от пыли, и теперь, похоже, ждал только меня.

– Идём, – взяла его под локоть, словно мы прямо сейчас уходили, боясь оборачиваться, не от толпы отморожков, а вышагивали на романтической прогулке.

– Ты сейчас вляпалась в дерьмо по самые уши, – шептал парень, спасенный мной.

– Ничего не будет. Успокойся, – так же тихо шепнула ему в ответ и, привычно опустив взгляд, прошагала вместе с ним мимо сгустка студентов. – Уже через пять минут они забудут нас обоих, когда на горизонте появится новая жертва.

– Первачи, – фыркнул парень. – Наивность так прёт.

– Просто заткнись и иди, – ущипнула его за руку, которую все еще держала.

– Капец! Клим на тебя смотрит, – прошипела нагнавшая нас Карина.

Без особо интереса бросила быстрый взгляд через пле-

чо и безошибочно встретила глазами с королем всех шакалов. С легким прищуром на абсолютно каменном лице, скрытом прядями темных волос, с которыми заигрывал ветер, он смотрел на меня в упор. И лишь за мгновение до того, как я собралась отвернуться, уголка его губ коснулась хищная полуулыбка, пустившая мурашки по моим рукам.

– Плевать, – отвернулась я, снова сосредоточив внимание на том, куда ступаю. – Пусть хоть дыру во мне прожжёт. Всё равно не запомнит.

Глава 2

Толстый парень, имя которого, как выяснилось по дороге в общагу, было Евгений, или попросту – Женя, достаточно быстро нашёл общий язык с Кариной. Возможно, дело в самой Карине и её исключительной болтливости, или в том, что сама я привычно замкнулась в себе как в комнате с мягкими стенами. Поэтому до общаги просто влачилась за ними, иногда натянуто улыбаясь, если они вдруг вспоминали обо мне и оборачивались, чтобы бросить пару фраз и снова вернуться к своей болтовне.

Разошлись мы с Женей только на втором этаже, где была его комната, а сами поднялись на третий.

– Фух! – выдохнула Карина так, словно сбросила с плеч скалу, а не рюкзак, в котором было лишь несколько тетрадей и пара ручек. Рухнула на свою кровать и уставилась в потолок. – Не представляю, как при таких нагрузках старшаки успевают еще и тусовки устраивать. А ведь у них еще курсовые и дипломные!

Молча дёрнула бровями, поняв, что наблюдательностью моя одноклассница и соседка не отличается. Если смахнуть с ее глаз розовые очки, обрамленные радужной ватой, то она смогла бы увидеть, как эти самые старшаки посещают занятия, тусуясь за углом одного из корпусов.

– Макароны будешь? – спросила я, открыв крышку сковороды.

родки, в которой остался недоеденный нами завтрак из макарон и обжаренного фарша.

– Чую, к концу курса задницы у нас будут шире дверного проёма, – хохотнула Карина, всё также созерцая потолок.

Зависла со сковородкой в руке, ожидая её решения. Сама я не очень голодная, поэтому если Карина откажется, то, в принципе, еще часа два-три можно спокойно прожить без еды.

Ответа соседки не последовало. В комнате воцарилась тишина, заполняемая её редким бессвязным мычанием.

Похоже, она успела забыть о моем вопросе и приступила к напеванию какой-то незатейливой песни.

– Будешь или нет? – спросила я с нажимом, несдержанно закатив глаза.

Иногда при разговоре с ней мне казалось, что говорим мы на разных языках. Причем, её язык я понимала, но вот она мой – нисколько.

– А? Да, буду, – приподняла она голову, чтобы коротко на меня посмотреть и снова уронила ее на подушку. – Сейчас бы торт-мороженое, да?

– Есть только макароны с фаршем. Но в холодильниках на общей кухне, наверняка, найдётся лёд.

– И что? Зачем он мне?

– Посыплешь сахаром, – повела я плечом. – Поешь. Не торт-мороженое, конечно, но тоже что-то холодное и сладкое.

– Тебя, вообще, хоть что-то радует в этой жизни? – приподнялась она на локтях и с укором попыталась взглянуть в черты моего лица.

– Одиночество и тишина, – бросила я ей и вышла из нашей комнаты, чтобы со сковородой в руках добраться до общей кухни и разогреть наш скромный ужин.

Внутри общей кухни имелись только два холодильника, две больших плиты, духовые шкафы в которых предназначались то ли для хранения пакетов, то ли для хранения мусора. Точно сказать сложно, но, в любом случае, открыть их я вряд ли рискну. И ещё в кухне был большой деревянный стол, который, судя по следам от ножей, оставленных на его поверхности, служил разделочной доской. К нему, если честно, тоже не хотелось дотрагиваться.

Вместе со мной в кухне был еще какой-то парень, который варил пельмени в большой кастрюле, видимо, сразу для всего этажа. Бросив на меня незаинтересованный взгляд, когда я вошла в одно с ним помещение, он сразу уткнулся обратно в телефон, продолжив листать ленту инсты с многочисленными видосиками с громким музыкальным сопровождением.

Молча гипнотизируя сковородку, несколько раз перемешала ее содержимое и, поняв, что макароны достаточно нагрелись, выключила плиту, схватила сковородку за пластиковую ручку и вернулась в комнату, где так же бросив на меня равнодушный взгляд, Карина уткнулась в телефон.

Ясно. Обиделась.

– Салат сделать? – спросила я, чтобы убедиться в своем предположении.

– Мне всё равно, – ответила девушка, не оторвавшись от телефона.

Точно обиделась.

В сопровождении тишины, которую редко нарушали голоса из общего коридора, приготовила салат, состоящий из огурца и пучка пекинской капусты, заправленный майонезом и солью. Максимально просто и нищенски, но достаточно сытно и вкусно для бедных студентов.

– Садись, – позвала Карину.

Секунда промедления и под ее ногами скрипнули старые половицы не менее старой общаги. Несколько шагов, в каждом из которых угадывалось большое мне одолжение, и она, наконец, устроилась за столом напротив.

Скрежет вилки о сковородку изредка нарушался звоном её же об тарелку с салатом и отпиванием горячего чая из кружек.

За всё время нашего ужина Карина ни разу на меня не посмотрела, не попыталась начать диалог или привычно ей начать напевать себе под нос.

Моё желание о тишине и одиночестве только что было исполнено. Обычно я этому рада, но сейчас, отчего-то, необъяснимое чувство вины давило на плечи и прижимало к земле, заставляя стыдливо опускать голову и тоже избегать с ней

встречи взглядами.

Глава 3

После молчаливого ужина прошло уже несколько часов. За это время я успела съездить в кафе и один супермаркет недалеко от общаги, чтобы убедиться в том, что они не нуждаются в новых сотрудниках. Наивно было полагать, что в радиусе десяти километров от студгородка можно найти хоть какое-то место работы. Сотрудники с такой текучкой и непостоянством меняются чаще, чем туалетная бумага в общественном туалете.

Сейчас уже перевалило за десять вечера. Карина всё в том же молчании и с непроницаемым лицом сходила в душ и сейчас забралась под одеяло, снова залипнув в телефон. Я в душ хожу, когда время перевалит за полночь. Обычно к этому часу никого в подвале нет и можно спокойно помыться в душе, в котором не предусмотрены кабинки – есть только перегородки, чтобы между девочками оставалась хоть какая-то тайна. Хорошо, что создатель этого общежития догадался хотя бы разделить душевые на мужскую и женскую и в них вели два коридора в противоположных направлениях. В противном случае, я предпочла бы мыться в городском фонтане – в нём и то приватность было бы больше.

Бросила мимолетный взгляд на соседнюю кровать, где, повернувшись ко мне, лежала Карина, перекрыв своё лицо телефоном. Интересно, надолго её молчания хватит? Впро-

чем, неважно. Пройдёт ещё несколько дней, и она найдёт себе подружек по интересам, у которых будет пропадать до и после занятий. И здесь к моей мечте о молчании присоединится одиночество.

Кажется, жизнь в общаге начала налаживаться...

Вернула внимание к электронной книге и поправила наушники на голове. Я не знаю, откуда во мне это взялось, но желание почитать всегда сопровождается желанием послушать музыку и наоборот. Одно без другого, конечно, может существовать, но с трудом. Видимо, навязчивая идея оградить себя от внешнего мира слишком глубоко пустила корни в мое подсознание и активно сыпет ядовитыми плодами.

Через несколько минут боковым зрением уловила движение – Карина села на своей кровати и вставила босые ноги в желтые тканевые тапочки. Уверено дошагала до двери, вызывая в моей голове вопросы о том, куда она могла пойти. Открыв дверь, она отошла чуть назад и указала в мою сторону рукой.

Только теперь я заметила стоящего в коридоре Женю. Розовую футболку он благоразумно сменил на черную, а в руке удерживал торт. Розовый.

Футболка была переплавлена в крем?

Пошевелив губами, махнул мне рукой и робко улыбнулся.

– Что? – отложила книгу на колени и стянула с голову наушники.

– Говорю, я с тортом. Чай пить будем? – повторил Женя

специально для меня.

– В честь чего торт? – непонимающе нахмурила брови и насторожено взглянула на торт в его руке, на который Карина смотрела, едва не пуская слюни.

– В знак благодарности, скажем так, – дернул парень плечами. – Я твой должник.

– Успокойся, – откинулась я обратно на подушку и поднесла к лицу электронную книгу, продолжив чтение. – Никто никому ничего не должен. Просто не носи больше ту розовую футболку, если тебе, конечно, не понравилось валяться на земле под чужой подошвой.

– А ты... милашка, – хохотнул парень после секундной заминки. – И всё же, я купил этот торт специально для тебя.

– А мне? – возмущенный возглас Карины заставил меня оторваться от книги. – Я там тоже была, вообще-то, если ты забыл.

– Я помню, – обратился к ней Женя несколько снисходительно. – Ты там только моргала, если не ошибаюсь.

– И дышала еще, вообще-то, – цокнула девушка в ответ. – Вечно мой труд недооценивают.

– Ну, тогда могу заметить, что в тот момент, пока Яся вытаскивала мой зад из передраги, у тебя еще обмен веществ неплохой прошёл,новились тысячи клеток....

– Вот! – ткнула Карина в его сторону указательным пальцем. – Я там без дела не стояла. Гони торт!

– Яся? – вопросительно протянул Женя.

Посмотрела на него и его презент с большим сомнением. Если я сейчас приму его подношение, то придется пригласить его в комнату и распить с ним чай и разжевать торт. Молча, как с Кариной, это сделать не получится. Поэтому, либо придётся поддерживать диалог, либо понадеяться на то, что эти двое так и продолжат междусобойчик, в который мне необязательно быть вовлеченной. Достаточно вовремя и в нужных местах кивать, и иногда улыбаться. С другой стороны, я могу резко ему отказать и на этом наше общение можно считать оконченным. Но... наверное, хватит на сегодня одной обиженной мной Карины. Она как раз хотела торт-мороженое. Женя, конечно, принес не его, но торт там точно есть.

– Ладно, – выключила книгу и запрятала ее под подушку. – Заходи, только больше ничего приносить не нужно. И «спасибо» достаточно.

– Не люблю ничем не подкрепленное спасибо, – сказал Женя и вошёл в комнату. Дверь за ним быстро закрылась Кариной и торт оказался перехвачен ею же. – Вообще-то, это не тебе.

– Вообще-то, заткнись, – буркнула на него девушка, уже открыв торт. Достала три блюда, поставила их на стол, рядом положила нож и три вилки. – Пойду чайник наполню, а то на троих воды не хватит.

Сказав это и взяв с края тумбы чайник, она вышла из комнаты и в спешном порядке ушла в конец коридора, где нахо-

дились раковины или, говоря между студентами, – умываль-
ня.

Между мной и Женей толстыми тяжелыми канатами повисло молчание. Лично мне сказать было нечего. Я уже на-
строилась на то, что говорить мне сегодня ни с кем не при-
дётся. И, раз уж, он сам пришёл, куда его не звали, то пусть
первый и подкидывает темы для разговора. Либо мы продол-
жим всё в том же молчании ждать Карину, речевой аппарат
которой всегда запущен и работает даже во сне.

Я не шучу. Моя соседка, правда, треплется во сне, что в
первую ночь меня здорово напугало и напрягло так, что я
почти не спала, боясь, что она может еще лунатить и приду-
шить меня.

– Это... – начал Женя, топчась на месте. – ...Если Клим
со своей бандой будут к тебе лезть, то ты скажи мне.

Вздернула на мгновение брови и прикусила нижнюю губу,
пряча язвительную усмешку.

– И чем мне это поможет? Разве торт мы сейчас будем есть
не в честь того, что ты не смог постоять сам за себя?

– Я большой и толстый, поэтому пока они будут бить ме-
ня, ты успеешь убежать и спрятаться, – нервная улыбка ис-
казила его лицо.

В каждой шутке есть доля шутки, судя по всему.

– Не думаю, что мне когда-то пригодится такая помощь, –
покачнулась с пяток на носки и обратно, спрятала руки в
длинных рукавах объемной толстовки. Неловкость снова за-

полнила помещение.

– Ну, я предложил, – шумно выдохнул парень и сел на один из свободных стульев за столом.

И снова наступило гнетущее молчание.

Дверь комнаты распахнулась, прохлада коридора ворвалась в комнату и коснулась ног. Карина окинула нас странным взглядом и невесело покачала головой.

– Так и думала, что молчали тут без меня, – произнесла она и поставила чайник на платформу, сразу его включив.

Синий свет и нарастающее шипение заполнили угол. Еще одним источником непрекращающегося звука служила Карина, которая выдвинула второй стул и ударила себя по бёдрам, задумчиво оглядев комнату.

– Так! Предлагаю придвинуть стол к моей кровати, потому что стула у нас в комнате только два. Хватайся, пухлый, – в приказном порядке махнула Жене рукой и схватилась за край стола, ожидая, когда парень приступит к помощи ей.

– Сама ты пухлая, – цокнул он и, встав со стула, отодвинул его в сторону, чтобы не мешал. Вцепился пальцами в противоположный край стола и, подняв его вместе с Кариной понёс в направлении ее кровати.

Пришлось вжаться в стену, чтобы не мешать их каравану.

– Я могу сравниться только с твоим пухлым пальцем, – язвила Карина. – И то мне надо немного до него потолстеть.

– Как ты с ней живёшь? – спросил меня Женья, глянув через плечо.

– Молча, – ответила за меня соседка, тем самым бросив маленький камень в мой огород. – И ты тоже давай молча, то есть с закрытым ртом, чтобы мне больше торта досталось.

– Ничего, что торт я принёс, вообще, не для тебя? – укоризненно спросил Женя, поставив вместе с ней стол у её кровати.

– На первый раз я тебя прощаю, – великодушно ответила Карина. – А в следующий раз я хочу торт-мороженое.

– Думаешь, меня кто-то станет бить во второй раз? – спросил он.

– Думаешь, к завтрашнему дню ты похудеешь и поводов лупануть тебя раз-другой уже не будет?

– Не будет. Сегодня было исключение.

– То есть до этого тебя никто не бил? – спросила я, скептически. – Ты на каком курсе учишься?

– На третьем. И нет, до этого меня никто не бил. А то, что произошло сегодня – это первачи выбивали себе место в компании Клима.

– В его компанию пробиваются через какие-то конкурсы? – спросила я скептически и поднесла два стула к поставленному ими столу.

– Нет. Просто, первачи стремятся показать ему свою крутость, чтобы попасть в элиту, а для этого, унижение толстого парня в очках и розовой футболке – отличный инструмент.

– И? Кучка идиотов толпой унизившая одного парня, не дающего отпор, теперь считается элитой? – каждое слово я

брезгливо выплёвывала, представляя, как плюю каждому из тех уродов в лицо.

– Нет, конечно, – усмехнулся Женя. – Клим их пережует и выплюнет, когда наиграется ими. Возможно, он это делает прямо сейчас. Так что я на них не в обиде, потому что скоро их ждёт участь гораздо хуже моего минутного унижения.

– Как это мерзко, – меня передёрнуло от самого осознания того, что в школе, что в универе унижение слабых сильными считалось чем-то обыденным.

– Чайник вскипел! – оповестила нас Карина, разливая ещё бурлящую воду по кружкам.

– Вы вместе учитесь, да? – спросил Женя, указав на нас обеих.

– Да, – привычно ответила за себя и меня Карина, потребляя торт уже от основного куска. Свой маленький кусочек с блюда она съела. – Журналистика.

– Я лингвист, – кивнул парень и бросил на меня взгляд над оправой очков.

Наверное, пытался понять, почему кусок выделенного мне торта я лениво ковыряю, а не поглощаю с голодными глазами, как это делает Карина.

– И какие языки? – спросила соседка, снова заполняя тишину.

– Английский и испанский, – ответил Женя.

– О! Я буду тебя юзать для просмотра пары испанских сериальчиков, к которым еще не вышел перевод. Будешь мне

субтитрами служить.

– Служить? – хохотнул парень. – Уже называть тебя своей госпожой?

– Нет. Попозже. Я включу сериал, посажу тебя рядом, а ты будешь говорить мне: «моя госпожа, он сказал», ну, и там дальше по сценарию.

Вяло улыбнулась простоте своей соседки и придвинула ей своё блюдо с тортом, к которому так особо и не притронулась.

– Будешь? – предложила ей, заметив, что она решила попридержать свой аппетит, поняв, что и так уже много съела и нам ничего не останется, если она продолжит в том же духе.

– А ты? – огромные карие глаза в обрамлении черных пушистых ресниц смотрела на меня в упор.

– Я наелась за ужином. Торт в меня уже не влезет.

– Точно? – задала она контрольный вопрос, уже придвинув к себе блюдо.

– Ешь.

– Кайф! – разве что не мурлыкая, Карина напала на торт с самой довольной моськой. – Где ты его купил?

– В нашем магазине, – ответил ей Женя, отпив свой остывший чай.

– Это тот, который через дорогу от общаги?

– Угу, – кивнул он ей и снова посмотрел на меня. – Ты не очень общительная, да?

– Не очень, – ответила я, опустив взгляд в свою пустую

кружку.

– Странно, – хмыкнул Женя.

– Почему? – подняла я, наконец, на него взгляд.

– Ты так бесстрашно врзалась в Раву и даже крошнула батон на Клима при всех, что я был уверен, что ты открытый и болтливый человек.

– Это был секундный порыв. Не более, – отрезала я сухо, не желая снова поднимать тему, в которой меня, почему-то, пытались выставить национальным героем.

– Даже для такого секундного порыва нужно иметь стальные... мотивы, – смягчил он выражение.

– У каждого имеются свои мотивы. Мне же необязательно их разжевывать?

– Думаю, необязательно, – чуть нахмурился парень, а я снова отвела взгляд на пустую кружку. – Но, если тебе нужно буде чем-то помочь, то я могу быть полезен.

– Мне ничего не нужно. Успокойся, – встала со стула и вышла из-за стола, прихватив с собой пустую кружку, чтобы помыть её и вернуть на сушилку.

– Она сегодня ездила искать работу и не нашла, – выпалила Карина и тут же заткнула рот куском торта, почти невинно захлопав ресницами.

– Я работаю в кафе посудомойщиком в пяти остановках от нашей общаги. Сегодня искали новую официантку. Могу застолбить тебе место, если хочешь, – буднично произнес Женя. – Застолбить? Завтра придёшь и узнаешь всё у мене-

джера.

– Я...

– Соглашайся, – перебила меня Карина. – В нашей семье кто-то должен зарабатывать на тортики.

Шумно выдохнула, возведя взгляд к потолку.

– Хорошо. Завтра после занятий загляну в твоё кафе.

– Класс! – выпил Женя залпом остатки чая. – Завтра с утра позвоню администратору и скажу о тебе. Он как раз ищет мелких и шустрых.

– Спасибо, – дернула я бровью, подавив желание вставить пару своих комментариев.

– Похоже на характеристику кладовой мыши, – мои мысли прозвучали вслух, но изо рта Карины.

– Не подумал, – Женя виновато поджал губы. – Просто передал слова администратора. Сорян.

– Ладно, – великодушно произнесла Карина. – За тортик мы тебя на первый раз простим. За ещё один тортик, как ты понял.

– Наглость – второе счастье, – хохотнул парень. – Ладно. Принесу на днях.

Ещё около часа Женя гостил в нашей комнате. Вдвоем с Кариной они образовали максимально шумный и болтливый дуэт. В какой-то момент поймала себя на мысли и желании уйти в какое-нибудь уединенное место и просто дожидаться, когда им надоест общение. Но, так как я еще ничего не знала в этом городе и даже просто по общаге передвигалась с

некоторой настороженностью, то всеми силами делала вид, что слушаю их и даже что-то понимаю из сюра, в котором они перепрыгивали с темы на тему.

После полуночи, когда ушёл Женя, Карину уснула, а в общежитии образовалась тишина, решила спуститься в душ и помыться. К этому времени уже почти все спят, в душе может оказать не больше двух-трёх человек таких же сонных и нелюдимых как я.

Запрятав линзы в специальный футляр, прихватила косметичку и полотенце, на цыпочках покинув нашу с Кариной комнату. Опустив взгляд, неслышно спустилась в подвал. Вода шумела. Помимо меня в столь поздний час мылась еще одна девушка, не обратившая на мое появление никакого внимания.

Быстро закончив с гигиеническими процедурами, надела чистую пижаму и обернула влажные волосы полотенцем. Выключила воду, поняв, что в душевой осталась одна. Неприятное чувство тревоги скользнуло по спине и вынудило меня скорее покинуть подвал, чтобы оказаться в тепле своей комнаты и постели.

На первом этаже происходил какой-то галдёж. Громкий смех компании парней резко заполнял пространство и снижался до простого разговора, чтобы снова взорваться смехом.

– У кого-то туса, что ли? – спросила одна из девушек другую, с которыми я столкнулась на лестничной площадке.

– Фиг знает, – ответила вторая. – Говорят, что Клим со своими забурился к нам в общагу.

Необъяснимый страх сдавил горло. Шаги сами собой стали быстрее настолько, что я рисковала потерять тапочки на одной из ступенек.

– Круто! – продолжили девицы, которых я уже прошла. – Пойдём познакомимся...

Влетела в нашу с Кариной комнату. Трясущейся рукой закрыла дверь изнутри и только тогда позволила себе спокойно выдохнуть.

Неужели слова Жени о том, что я вляпалась по уши, не были пустыми?

Бред.

Это банальное совпадение, подкрепленное моей паранойей. Вряд ли местный королёк станет искать рыжую мышь, чтобы поквитаться с ней за пару брошенных слов.

Глава 4

Не первая моя почти бессонная ночь в общежитии, но первая наполненная чувством страха и желанием бежать.

Никто ко мне не пришёл, никто меня не искал, никто не долбил в дверь с намерениями вытащить меня из постели и прилюдно показательно казнить.

Да, кто-то ночью проходил по коридору. Вполне могло быть, что это была компашка Клим с ним во главе, потому что галдёж и смех нескольких парней, уходящих дальше по коридору, сменился неспешными шагами человека, идущим следом за ними. Он словно искал что-то, высматривал, на секунду мне показалось, что он остановился напротив двери нашей с Кариной комнаты, но этот момент был таким коротким, что я быстро выкинула его из головы, а уверенные неторопливые шаги тем временем утекли дальше по коридору.

Утром, как обычно, я проснулась раньше Карины, надела линзы, привела себя в относительный порядок, надела оверсайз толстовку, джинсы и кеды. Затем проснулась Карина, позвонила своей маме и стонала о том, что не выспалась. Сделала вид, что сочувствую ей, хотя сама проспала в общей сложности не больше двух часов за ночь.

Ожидая преподу к очередной паре, заняли аудиторию и равномерно растеклись по ней разноразмерными компашками. Впрочем, кто-то был в компашках, а кто-то... я, например,

сидела у окна и бросала редкие взгляды на старый тополь, с которого промозглый осенний ветер срывал последние желтые листья.

Погодка – отпад. Скорее всего, через час-другой начнётся проливной дождь и утопит к чертовой бабушке этот серый безликий город, который показался мне интересным только тогда, когда я ездила подавать документы на поступление. Сейчас же он не представлял для меня никакого интереса. Возможно, потому что я перестала его замечать, окунувшись с головой в рутину. Учёба, общага... ещё и работа на носу. Точно! Работа. Нужно найти Женю и узнать у него по поводу кафе. Может, и правда, что-нибудь получится.

Ждать помощи от матери и отчима я разучилась ещё в средней школе, а просить у них деньги сейчас – для меня было равно добровольному купанию в дерьме, которое щедро на меня польёт отчим, почувствовав себя господином.

Поэтому работу нужно найти как можно скорее, так как неизвестно, какого размера будет стипендия и будет ли она у меня вообще.

Отвела взгляд от окна и опустила в тетрадь. Чтобы не сидеть просто так, выписала из листка расписания название предмета и имя преподавателя. Старательно подавила в себе желание школьницы достать из рюкзака набор цветных ручек и подчеркнуть первые строки в новой тетради. Судя по тому, как заполняют тетради мои одноклассники, уже можно считать удачей, что у них имеется хотя бы одна простая

синяя ручка.

Но, с другой стороны, какая теперь разница? Никто не обращает на меня внимание, все заняты общением и знакомством друг с другом, можно немного побыть собой, пока никто не видит.

Открыла рюкзак и, не доставая из него полностью набор цветных гелевых ручек, выудила одну – фиолетовую. Ровной линией подчеркнула название предмета и, немного поразмыслив, добавила еще одну линию. Щелкнула колпачком и смахнула невидимые крошки с клетчатого листа тетради.

Неожиданно щеку обожгло чьим-то пристальным вниманием. По рукам пробежали мурашки, вынуждая тонкие волоски встать дыбом. Кто-то пялился на меня. За восемнадцать лет жизни я научилась всеми своими рецепторами ощущать чужое внимание к своей персоне, чтобы быть готовой ко всему.

Резко вскинула взгляд на открытую дверь аудитории и сразу попала в капкан чужих глаз. Возможно, голубых. Или серых. С такого расстояния сложно различить какого цвета у него радужка, но совершенно несложно понять, что пялятся эти глаза прямо на меня. В упор, чуть насмешливо и, конечно же, высокомерно.

Лёгкая ухмылка с приподнятым уголком тонких губ щекочет мои нервы. Какого чёрта!

Климов стоит в коридоре у окна и смотрит прямо на меня, пока на его шее висит какая-то рыжая девица и, то ли что-

то говорит ему на ухо, то ли просто его обсасывает. Судя по его самодовольной улыбочке, делает она и то и другое.

Рыжая. Ненастоящая. Искусственная. Наверное, это некая сверхспособность истинно рыжих – отличать настоящую рыжину от фальшивой. Эта девчонка – фальшивка.

Мне до сих пор кажется чем-то диким осознание того факта, что кто-то добровольно красится в такой цвет. В универе таких не очень много, но на мой взгляд, даже одна такая девица – уже перебор. И, конечно же, она относится к «соскам», иначе ей не было бы позволено столь фривольно болтаться на шее самого крутого и влиятельного парня универа, который, почему-то, вместо того, чтобы заняться с ней обоюдным лизанием ушей, предпочитает пялиться на меня.

Так же прямо посмотрела на него несколько секунд и я, но не выдержала давления. Даже находясь на таком расстоянии, фактически в другом помещении, он оказывал на меня некоторое влияние. Учащенный пульс и мелкая дрожь в кончиках пальцев слишком ярко свидетельствовали о том, что его внимание не оставляет меня равнодушной. Да и бессонная ночь тоже наложила свой отпечаток.

Вернула внимание окну и старому тополю за ним. Листьев стало еще меньше. Ветер сегодня был беспощадным, заывая где-то в кронах и срывая с дерева уже не только листья, но и мелкие ветки.

– Всем добрый день! – в аудиторию ворвался громкий поставленный мужской голос. Преподаватель. – Все собрались?

По полу закрипели стулья, гул разговоров затих.

Повернулась на звук нового голоса в аудитории. Мужчина средних лет, удерживал дверь приоткрытой, словно ожидая, что кто-то ещё вбежит на его занятие. Например, проспавший студент.

– Все здесь, – ответил ему один из моих одногруппников с задних рядов.

– Тогда, начинаем занятие, – улыбнулся нам мужчина и начал закрывать дверь.

За секунду до того, как она полностью закрылась, снова встретилась взглядом с Климовым, понимая, что из аудитории буду выходить с большой осторожностью. Снова эта усмешка, не сулящая для меня ничего хорошего. Он увидел и лично убедился в том, что я изгой. Пусть и добровольно, но изгой. Стало быть, я одиночка без какой-либо опоры или защиты в виде дружеского плеча. И одно движение его пальца способно загнать меня под ноготь и прижать до хруста костей.

Вполне может быть, что он и раньше иногда задерживал на мне взгляд, как и на любой другой девчонке. Просто потому, что глазам нужно куда-то смотреть. Но, отчего-то, именно после той стычки на парковке университета его внимание стало мне казаться особенно пристальным.

Глава 5

Мне нужен был Женя, потому что именно он знал название кафе, в котором, возможно, мне предстояло работать, если моя кандидатура им подойдёт.

Изучая его расписание и помня несколько вводных данных о том, что он третьекурсник-лингвист, пыталась найти в какой он сейчас аудитории.

Мои пары только что закончились, поэтому моно было заняться трудоустройством.

Примерно вычислив Женину группу, поняла, что его занятия тоже только что закончились. И, либо он уже ушёл в общагу, либо у меня еще есть шанс поймать его на выходе из универа.

По стеночке, чтобы не врезаться в других студентов, отошла от расписания и осмотрелась вокруг. Никого в очках и в теле. Значит, уже ушёл.

Поставив рюкзак на подоконник, натянула на плечи объёмную кожаную куртку. Она выглядела как привет из девяностых, снятый с лысого бандита, но мне она нравилась. По крайней мере, в ней и в толстовке на флисе я чувствовала себя комфортно. Рюкзак накинула на плечо, капюшон на голову, так как ветер успокаиваться не намеревался, а простыть, едва начав учёбу и не найдя работу, я не хотела.

Коснулась ручки двери, чтобы покинуть универ и в этот

же момент кто-то поймал меня за локоть.

– Привет, – улыбка держащего меня Женья выглядела крайне фальшивой. – Как дела?

– Привет, – повторила за ним и нахмурилась, пытаюсь понять, какого лешего он меня лапает. Мягко, но достаточно уверенно вырвала свою руку из его захвата. – Я тебя искала.

– Я тоже, – нервная улыбка на его губах казалась кривой и неестественной.

– У тебя всё нормально? – нахмурилась я, остановившись напротив него на широком крыльце.

– У меня? – переспросил он и быстро осмотрелся вокруг. – Нормально.

– А если честно? Ты какой-то странный.

– В общем... – начал он тише и снова попытался поймать меня за локоть. В этот раз я отстранилась раньше, чем он успел бы меня коснуться. – После вчерашней стычки на парковке кто-то пустил слух, что мы с тобой парочка.

– Что? – округлились мои глаза настолько, что я рисковала потерять линзы. – Кто пустил?

Оглядела толпу выходящих из универа студентов, словно это был кто-то из них.

– Я не знаю, кто, но, наверное, кто-то из тех девчонок, которые видели, как ты вчера за меня впряглась.

– Блин! – стиснула лямку рюкзака и нервно потопталась на месте. – И что теперь?

– Не знаю. Расстанемся? – улыбнулся Женья в этот раз

вполне естественно.

– Да, скажем сплетницам, что не сошлись характерами, – усмехнулась в ответ и натянула капюшон на лоб, подавляя дрожь от пронизывающего ветра.

– Всё фигня, – начал парень, пряча руки в карманы своей куртки. – Ко мне ночью приходил Клим.

– Клим? – волна жара и дрожи упала в желудок. – Зачем? Он тебе что-то сделал?

– Нет-нет, – поправил он торопливо очки на переносице. – Формально, он пришёл к пацанам, моим соседям по комнате. Но в какой-то момент их разговор коснулся вчерашней ситуации на парковке и, соответственно тебя.

– И?

– Илья, мой сосед, спросил, когда я успел найти себе такую заступницу, рассказал про слухи, что мы с тобой пара. Ну, я и сказал, что мы с тобой уже давно вместе.

– Ты идиот? – вырвалось из меня. – Как давно? Я здесь учусь меньше месяца! Когда мы, блин, успели?!

– Типа, встречались ещё до универа, – виновато поджал он губы.

– Болван, – зажмурилась и сжала пальцами переносицу. – И нафига было врать? Ты мог пресечь эти слухи парой слов.

– Я испугался, ясно? Там был Клим и...

– И что? Заставлял тебя врать, за язык тянул?

– Нет. Он вообще со мной не разговаривал и смотрел как на кусок чего-то вонючего. И я решил перестраховаться и

сказал, что мы с тобой встречаемся.

– Для чего? Что тебе это даёт?

– Я не знаю, – вспыхнул он неожиданно и сразу остановился. – Прости. Просто, ночью я решил, что таким образом защищаю себя. И тебя, возможно.

– Каким образом?

– Мой мозг построил логическую цепочку, в которой Клим и его ребята не будут трогать меня, боясь тебя после вчерашнего. А еще я подумал, что они не будут трогать тебя, если будут знать, что у тебя есть парень.

– Ты идиот, – смотрела на него во все глаза.

– Ты уже говорила.

– По-моему, до тебя плохо дошло.

– Прости, – снова эта виноватая гримаса. – Я поддался легкой панике и думал, что спасаю нас обоих и только сегодня утром понял, что придумал полный бред. Вернее, подтвердил бред пустоголовых куриц.

– Идиот, – выдохнула я обреченно. – И что теперь? Как я понимаю, мы расстаемся?

– Прежде чем мы расстанемся, я хочу, чтобы ты знала, что ты лучшее, что было в моей жизни, – прижал он руку к своей груди с левой стороны. – Я никогда не забуду эти счастливые сутки.

– Дурак, – хохотнула я, расслабившись. И именно в этот момент из универса вышел Клим со своей компашкой. Острый взгляд светлых глаз скользнул по моему лицу, затем по

затылку Жени и сразу потерял интерес к нашей парочке.

С облегчением выдохнула, не сразу осознав, что перестала дышать.

Иглы лёгкого страха, лишь на секунду кольнули кожу и сразу исчезли, когда компания парней, ни разу не обернувшись и не заострив на нас внимание, растворилась на парковке среди машин.

– Надо было устроить концерт с расставанием, – досадливо буркнул Женя.

– Представление я точно устраивать не стану. Тихо сошлись, тихо и разойдёмся с тобой, – секунду поразмыслив, добавила. – Трепло.

– Прости, растерялся.

– Что насчёт кафе? – перешла я к главной для меня теме. – Ты звонил?

– А, да! Звонил. Нас ждут через полтора часа. Как раз моя смена скоро начнётся.

– Тогда поехали? – качнула головой в сторону спуска с крыльца.

– Поехали, конечно, – согласно кивнул он и начал первым спуск. Неожиданно для меня выставил руку, вероятно, ожидая, что я буду за неё держаться, спускаясь с крыльца.

– По ступенькам я и сама ходить умею, – скептически выгнула бровь и спрятала руки в карманах куртки, шаг за шагом спускаясь вниз.

– Я думал, это проявление воспитания с моей стороны –

помочь спуститься даме по ступенькам, – ответил Женя и тоже спрятал руки в карманах куртки.

– Не знаю, что там насчет воспитания, но я не в бальном платье и туфлях, так что помогать мне не нужно. И я не очень люблю, когда меня трогают.

– Это я уже понял, – глянул он на меня коротко. – Ты мне чуть не втащила сейчас, когда я тебя за руку поймал.

– Я от неожиданности, – попыталась смягчить острый угол.

– Буду знать, – просто ответил Женя и кивком головы указал в сторону автобусной остановки. – Нам туда. Четырнадцатый маршрут и кафе «Белая ворона».

Боже, как символично.

Глава 6

Здание кафе ничем особым не выделялось. Служа обычной пристройкой к какому-то бизнес-центру, оно, скорее всего, являлось самой обычной закусочной, в которую иногда заплывал офисный планктон за кофе и быстрым перекусом.

Но, стоит признать, обстановка внутри мне понравилась гораздо больше. Запахи свежесваренного кофе и свежей выпечки отлично стимулировали выделение голодной слюны, которой был полон рот уже меньше чем через секунду после входа. Стены основного зала были выполнены из имитации кирпичной кладки белого кирпича. Уютные, маленькие черные столики и столы по центру зала и желтые диванчики у стен и окон не выглядели вырвиглазно, а отлично дополняли друг друга. Даже массивная барная стойка, словно выпиленная из цельного дерева, вписывалась сюда идеально, а красный кирпич, из которого были выполнены стены, манил к себе от самого входа всех забежавших на чашечку кофе, чтобы распить его прямо здесь или взять с собой на вынос.

Хотя, лично я бы осталась с чашечкой кофе прямо здесь. Ожидая появления администратора и переодевания Жени в униформу, зависла на одном уютном уголке, отгороженном от основного зала небольшой ширмой в виде стеллажа. Два желтых диванчика, между ними черный столик, а рядом

шкаф с книгами и сувенирными безделушками, которые у многих стоят на домашних полках. И плоды. Стопка ярких цветных плодов на самой нижней полке. Рай для интроверта в общественном месте.

– Добрый день, – раздался рядом мужской голос.

Вздрогнула и резко повернулась на звук, сразу отступив на шаг. Похоже администратор по имени Антон, как было написано на его бейджике, похоже, ничего не слышал о личном пространстве и социальной дистанции.

– Здравствуйте, – натянуто улыбнулась и схватилась двумя руками за лямку своего рюкзака, висящего на плече. Волнение уже щекотало затылок, нашептывая, что пора отсидеться в своей тихой темной норе.

– Вы Ярослава, как я понял? – спросил он.

– Да. Я бы хотела устроиться официанткой, если это возможно.

– Студентка?

– Первый курс.

– Угу, – кивнул он и что-то записал в черном блокноте. – Санитарная книжка имеется? Медкомиссию проходила?

– Имеется, проходила, – сняла с плеча рюкзак и потянулась за папкой с документами. Опыт подработок научил меня носить их с собой на всякий случай, если хочешь куда-то устроиться. – Вот.

– Подожди, – остановил меня Антон и окинул придирчивым взглядом. – По росту и телосложению подходишь иде-

ально. На вопросы отвечаешь коротко и по делу, а теперь контрольный тест: что в этом зале не так? Что бы ты изменила или дополнила, или убрала совсем?

– Вопрос с оттенком отказа, – пробормотала себе под нос и снова окинула взглядом основной зал.

– Молодец. Язык есть, значит от буйных отбиться сможешь, – одобрительно кивнул Антон.

Что здесь не так? Дополнить? Изменить?

Чёрт! Думай, Яся!

– Не на всех столах есть солонки и перечницы, – сказала я, почти вжав голову в плечи, словно мне вот-вот по ней прилетит топором.

– Принята, – сразу ответил Антон и взял из моих рук папку с документами. – Завтра заступаешь в шесть вечера. Работаете до одиннадцати. Работа через день. Устраивает такой график?

– Да, – бросила коротко, не веря своим ушам.

– Сейчас оформишься и можешь быть свободна. Униформу тебе выдадут завтра.

– Хорошо. Спасибо, – сдержанно улыбнулась, хотя готова была пританцовывать от счастья.

У меня будет работа и зарплата! Это ли не удача?

Из-за двери за барной стойкой появилась голова Жени в очках и черной бандане, и вопросительно дёрнулась, словно спрашивая «взяли?».

Едва заметно кивнула и получила в ответ его широкую

улыбку и большой палец вверх.

Оформление документов тоже не заняло много времени и уже через полчаса я была свободна.

Ветер на улице всё ещё сходил с ума, гоняя по тротуарам сорванные листовки и брошенные кем-то фантики. Утепленная толстовка и кожаная куртка плохо спасали от прохлады, поэтому от остановки я почти бежала до общаги, чтобы поскорее согреться и что-нибудь перекусить.

Уже на подходе к нашей с Кариной комнате поняла, что моим планам на тихий вечер в теплой постели и горячим ужином сбыться не суждено.

Заливистый девичий смех был слышен уже за несколько комнат. Открыла дверь и с внутренним стоном увидела двух девчонок в компании Карины, сидящих вместе с ней на её постели. В руках телефоны, на лицах сияющие улыбки, которые померкли, стоило мне войти и нарушить идиллию их девичника.

Подавила раздражение, запнувшись об чьи-то кеды, разбросанные у входа.

– Привет, – бросила мне одна из девчонок, которая училась с нами в одной группе. Ева, кажется.

– Привет, – ответила ей, вяло улыбнувшись уголками губ, и переступила через обувь, аккуратно сняв рядом свои ботинки.

Следующим пунктом, кольнувшим мою нервную систему, стал обеденный стол, заваленный грязной посудой и фанти-

ками. На ужин мне осталось щедрое «ничего».

Компания на кровати соседки продолжила тихо подхихивать, показывая друг другу экраны телефонов. Карина бросила на меня взгляд похожий на виноватый, но сразу отвлеклась на свою новую подружку, тычущую ей в лицо своим телефоном.

Понимая, что не на такой вечер я рассчитывала и вряд ли смогу расслабиться в соседстве с тремя смеющимися девицами, смех которых только нарастал, а порой казалось, что они смеялись надо мной, забралась в шкаф, стянула куртку, толстовку, надела теплую водолазку и снова упаковалась в толстовку и куртку. Взяла рюкзак, проверила заряд телефона, который хватит еще часа на полтора, надела ботинки и вышла из комнаты, под шепотки подружек в свою спину.

Плевать. Это чувство со мной всю жизнь.

Спустилась вниз, вышла на крыльцо общаги и зависла, размышляя над тем, куда можно пойти и что бы перекусить.

При имеющемся у меня бюджете я могла себе позволить только шаурму и прогулку по улице. Этим я, пожалуй, и займусь.

Купив шаурму в киоске недалеко от общаги, решила прогуляться вокруг неё же. Я видела только то, что находилось впереди. Должно же мне быть интересно, что находится за зданием общежития? Хотя, логичнее было бы разглядывать местные достопримечательности при свете дня, а не в сумерках, как делала я. Но старые одинокие качели я разглядела

сразу. И именно на них обосновалась, чтобы скоротать вечер и поужинать имеющимися у меня «изысками» в виде шаурмы сомнительного происхождения.

Привычно воткнув наушники в уши и открыв электронный учебник по журналистике, приступила к трапезе. Можно было даже не раскачиваться, так как всё ещё бушующий ветер служил отличным помощником, периодически колыхая старые качели.

Строка за строкой я уносила в материал, часть из которого уже слышала на сегодняшних лекциях, но, не захватив с собой свою старую электронную книгу, у которой уже стерлась кнопка перелистывания вперед, решила довольствоваться тем, что есть, мысленно надеясь на то, что к моему возвращению в общагу в комнате уже никого не будет.

Ветер усиливался, выбивал волосы из-под капюшона, забирался под куртку и холодил до самых костей. Последний кусок шаурмы был давно пережеван, половина учебника подходила к концу и уже не вызывала такого интереса как в самом начале, заставляя всё больше внимания уделять музыке, гремящей в наушниках. Но ровно до тех пор, пока в короткой паузе между куплетом и припевом я не услышала громкий смех нескольких человек.

Резко вздернула подбородок и почувствовала, как холод растекся по костям.

И давно они здесь? И почему я не обратила на них внимание раньше? Хотя, они находились на достаточном от меня

расстоянии под тенью старого тополя и березы.

Компания Клим с ним во главе обосновались на широкой лавочке и о чем-то оживленно болтали. Парни и девушки смешались между собой и обезьянничали, порой смеясь неестественно громко.

Сам король по прозвищу Клим развалился в центре скамьи и смотрел прямо на меня. Либо мне так только казалось из-за расстояния и плохого уличного освещения. Но мурашки и чувство неловкости яро кричали о том, что взгляд светлых глаз, истинный цвет которых я так и не разглядела, был устремлен на меня.

И как давно он смотрит? И что увидел? Снова убедился в том, что я неудачница, отшельница и одиночка? Думаю, если он хорошо смотрел на меня днём через дверной проем из коридора, то это он уже и так понял. А тот факт, что я в одиночестве в сухомятку умяла шаурму, качаясь на старых качелях в компании самой себя, лишь подтвердил его догадки.

Выключила музыку, но наушники выдергивать из ушей не стала. Они служат отличным средством «контрацепции» от непрошенных разговоров. Можно сделать вид, что я не слышала, даже если ко мне обратятся напрямую.

Неторопливо, чтобы это не было похоже на бегство, остановила качели, сошла с них, поправила рюкзак на плече и двинулась в сторону общежития, обходя громкую компашку по дуге.

– О, рыжуля! – узнал меня парень, которого Клим называл

Равой. — А ты чего без своего пухлого парня? Жрёт, поди?

Громкий смех прокатился по толпе. Но я проигнорировала абсолютно всё, старательно глядя себе под ноги. Не стала ускорять шаг, чтобы не показаться трусливой, и просто ушла от них, продолжая делать вид, что не слышу их смешки и гипотезы касавшиеся моей личной жизни.

Напрягало только одно обстоятельство — Клим не веселился со всеми, не вставлял своих пять копеек, а просто молча наблюдал за тем, как я уходила подальше от него и его друзей-идиотов. Это молчание зарождало еще большую паранойю. Каждой клеточкой мозга мне все сильнее казалось, что он что-то замышляет против меня и совсем скоро я пойму, что именно.

К комнате приближалась неспеша, словно давая шанс девочкам уйти. Остановилась напротив двери и прислушалась. Тишина. Либо они ушли, либо каждая уткнулась в свой телефон.

Толкнула дверь и вошла в комнату, с облегчением заметив в ней только Карину, которая уже забралась под своё одеяло, и убранную комнату.

Соседка бросила на меня взгляд, сняла с головы наушники и отложила телефон в сторону.

— Привет, — зачем-то поздоровалась она со мной, будто мы не виделись часа два назад.

— Привет, — ответила на автомате и стянула с ног ботинки, а с головы капюшон. Подошла к шкафу и оставила в нем

куртку, зябко обняв себя за плечи.

Желание сходить в туалет, а затем попить горячего сладкого чая, вытеснило усталость от сегодняшнего вечера.

– Прости, – неожиданно произнесла Карина, заставив посмотреть на нее и зависнуть с чайником в руках у выхода из комнаты.

– За что? – нахмурилась непонимающе.

– Наверное, надо было тебя предупредить, что ко мне зайдут девчонки, – потупилась она виновато.

– Не парься. Это и твоя комната тоже, – улыбнуться не получилось. Даже натянуто. Я просто устала и замерзла настолько, что на короткий спектакль сил уже не осталось.

– Женя приходил. Тебя искал.

– Зачем?

– Просто так, – дернула она плечами. – Сказал, что ты на работу сегодня устроилась. Поздравляю, – улыбнулась Карина вполне естественно.

– Спасибо, – открыла дверь и остановилась. Обернулась, дёрнула рукой с чайником в ней и спросила. – Чай будешь?

– Давай. Я конфет купила, – ответила Карина, скинув с себя одеяло.

– А я печенье, – указала взглядом на рюкзак, в котором лежала пачка печенья овсяного с шоколадной крошкой, которую я купила сегодня в столовой универа.

Глава 7

С шилом в одном месте дождалась окончания последней пары. Через двадцать пять минут начинается смена в кафе, а я еще даже не на остановке, чтобы доехать до него из универа.

Неделю я отработала безупречно, без единого замечания и, похоже, сегодня эта хорошая традиция будет нарушена.

Первой выскочила из аудитории, на ходу запихивая в рюкзак тетрадь с конспектами и ручку.

– Бежим! – поймал меня за локоть Женя, который тоже опаздывал, и всю пару долбил мне об этом сообщениями на телефон.

Застегивая рюкзак, бежала туда, куда он меня за собой тащил. Слепо доверилась пухлому парню, который служил отличным тараном, расталкивая всех если не физически, то намёком на то, что если он в кого-то врежется, то кому-то мало не покажется.

Но мой бег оказался недолгим. Уже через несколько секунд плечо разорвало болью, Женина рука исчезла с локтя, а саму меня откинуло назад и только благодаря тому, что в другую мою руку вцепился кто-то еще, мне удалось удержаться на ногах и не разбить голову о цветочные горшки, стоящие под окном.

– Яся! – паника в голосе Жени ударила меня по вискам и

вернула в чувство после секундной растерянности.

Подняла взгляд и встретила с глазами-льдинками. Голубые. У него голубые глаза, а не серые, как я предполагала.

– Пухлый, – произнес Клим ровным холодным тоном, при этом продолжая смотреть мне в глаза и держать за руку. – Будь аккуратнее со своей девушкой.

Большой и жирный акцент на слове «своей» резанул слух. Торопливо опустила глаза и мягко повела плечами, освобождаясь от касания его рук, тепло которых согревало даже через плотную ткань толстовки.

– Яся, прости! – кипиш в лице Жени здорово давил на нерв. – Я не заметил...

– Всё нормально, Жень, – остановила его и закинула рюкзак на плечо, тут же поморщившись и со свистом впустив воздух в легкие, когда боль растеклась по руке от места столкновения с Климом.

– По-моему ненормально. Дай посмотрю, – нахмурился Климов и потянулся к замку моей толстовки с явным намерением её расстегнуть.

– Не трогай меня! – возможно, это было излишне резко и даже громко, но меньше всего мне хотелось, чтобы меня кто-то раздевал в университетском коридоре пусть даже и с заботой в светлых глазах. – Женья, мы опаздываем.

Сделала шаг в сторону и быстрыми шагами поспешила к лестнице, слыша, как за мной, тяжело дыша, спешил мой фиктивный парень.

– Я тебя прибую. Ты же обещал остановить эти сплетни, – ворчала на него через плечо, всё ещё горящее болью.

– Я сказал пацанам по комнате, что мы с тобой расстались, но решили остаться с друзьями, – оправдывался парень. – Наверное, просто пока не до всех дошло...

– Иди быстрее... друг, – буркнула на него, перебегая дорогу к автобусной остановке. – Блин! Плечо болит. Ты мной стену хотел проломить?

– Прости, Ясь, – Женя остановился напротив меня под козырьком остановки и состроил виноватую рожицу. – Просто, от меня он отклонился, я думал, что и от тебя тоже. Ну, или ты сама чуть в сторону возьмёшь.

– Забей, – потирала я плечо. – Сама виновата – в рюкзак уставилась и не заметила его Величество.

– Сильно больно?

– Нормально. Через пару минут пройдёт.

Но ни через пару минут, ни через пару часов, ни к концу смены боль в плече так и не отпустила. Она, конечно, стала гораздо слабее, скорее всего из-за того, что я была загружена работой и не замечала боли, но совсем плечо о себе позволять не позволяло, напоминая резкими спазмами, когда я неосмотрительно быстро поднимала руку, чтобы взять со стойки заказы или поднести ручку к блокноту.

До закрытия кафе оставалось около пятнадцати минут. Последняя парочка на сегодня так и не могла определиться с выбором.

– А можно мне цитрусовый раф? – тыкала в меню блондиночка с кукольным лицом. – О, или ореховый? Какой вкуснее, милый?

«Милый» сидел и терял краску с лица после каждого названного ею пункта из меню. Видно, что парень такой же простой студент, как я, и вряд ли у него есть деньги на что-то, что может оказаться дороже эспresso.

– Не знаю, зая. Выбирай, что хочешь, – ответил он ей, растеряно уставившись в меню, а у самого по лбу бежала горящая строка с надписью «памагити!».

Прикусила внутреннюю сторону щеки после упоминания «зая» и «милый» между людьми, которые вряд ли знают друг друга больше нескольких дней, и уставилась в свой блокнот, тихо и почти терпеливо постукивая кончиком ручки по чистому листу.

Что там говорится в основах буддизма? Страдания как повод к развитию? Потерпим.

– Я не знаю, что я хочу, – притворно захныкала девушка, едва не вызвав у меня приступ закатывания глаз. – Тут всё так вкусно выглядит.

– Могу предложить вам эспresso, – вклинилась я, спасая парня и себя от долго нытья неопределившейся. – Самый лучший в городе. Ваш парень умеет выбирать места с самым вкусным кофе, – натянула на лицо пластиковую улыбку и заметила благодарность в лице парня.

– Да? – засияли огромные глаза девушки, которыми она,

казалось, не умела моргать. — Тогда можно нам два кофе?

— И навынос, пожалуйста, — торопливо добавил парень, вероятно, избегая того, что его пассия может пожелать какого-нибудь десерта к кофе.

Понимающе кивнула и даже не стала записывать их заказ. Два кофе навынос не так уже сложно запомнить.

Когда парочка забрала свой кофе, а кафе опустело, с облегчением приступила к уборке столов. В общем-то, всё и так было чисто, но внутренний перфекционист требовал, чтобы салфетки, сахарницы и перечницы с солонками стояли одинаково ровно на всех столиках.

— Ещё семь минут и рабы свободны? — спросил Женя, выйдя из кухни с полотенцем, которым обтирал руки.

— Типа того, — бросила я, не отрываясь от сервировки.

Уже очень хотелось попасть в общагу, принять душ и просто без ног упасть в свою постель до самого утра. Униформа официантки давила на горло. Белое платье с тугим воротником и черным почти кожаным передником оказались максимально некомфортными. Со стороны выглядело, конечно, красиво и отлично вписывалось в местный интерьер, но о практичности этого платья управляющие кафе точно не думали.

Колокольчик над дверью издал характерный звон, оповещающая нас о новом посетителе. Уже почти одиннадцать вечера, но находятся те, кто хочет заглянуть в кафе и испить кофе, который логичнее было бы потреблять утром, а не тогда, ко-

гда пора бы уже лечь спать и ни о чем не думать.

Не стала оборачиваться, чтобы посмотреть на посетителей. В такое время любой из них идёт к барной стойке и берет какой-нибудь простой кофе навынос, быстро оплачивает и уходит на автобусную остановку, которая здесь неподалёку, или продолжает прогулку по вечернему – почти ночному – городу.

Глянула на Женю, лицо которого вытянулось, когда он посмотрел мне за спину. А затем парень и вовсе исчез за дверью в кухне.

– Добрый вечер, – поприветствовал кого-то за моей спиной бодрым голосом наш бариста Дима.

– Добрый, – прозвучал рядом голос, от которого по рукам пронеслись мурашки, а плечо вновь кольнуло почти забытой болью.

– Чего желаете? – профессионально чеканил Дима, остановившись у кофе-машины.

– Как обычно, – бросил небрежно Клим и прошёл мимо меня, остановившись у барной стойки.

Как обычно? Когда он успел стать завсегдатаем этого места? Хотя, откуда мне знать, я-то здесь работа всего неделю.

Сделав заказ и не удостоив больше бармена взглядом, Клим устроился на высоком барном стуле и уставился в телефон, что-то быстро листая на дисплее. Даже с расстояния в несколько метров было заметно, что его волосы влажные. На улице дождя не наблюдалось. Только ветер, который еже-

дневно носил туда-сюда тучи по свинцовому небу, словно играя с прохожими, которые уже несколько дней брали с собой зонты на всякий случай.

Небольшая красная спортивная сумка была перекинута через его плечо и свидетельствовала о том, что он, скорее всего, с какой-то тренировки, после которой, очевидно, принял душ – отсюда и влажные волосы.

Машинально протирая столик, стала наблюдать за работой бармена. Есть в его действиях нечто завораживающее – точные отточенные движения, которым хотелось научиться. Дима не сомневался ни в одном взмахе руки и движение пальца, чем иногда казался мне машиной с определенным алгоритмом действий, заложенных в него если не матушкой природой, то каким-то гениальным инженером.

Но неожиданно моё внимание заострилось именно на том, что он готовил для Климa. Я была уверена, что там будет ничто иное как черный, как его сердце кофе, без сахара и сливок, и такой же горячий, как ад в его душе. Но его заказом «как обычно» оказался бамбл.

Необычно. Хотя, в этом что-то есть.

Холодный, не каждому по вкусу.

Осколки льда – такие же острые и цепкие как его взгляд.

Апельсиновый сок, свежавыжатый, – должно быть, выражал его резкость и некоторую долю бьющей в нос авантюристности.

Черный кофе – оттенок его темной сущности, в которой

лично мне не хотелось бы гулять даже с фонариком.

И я пропустила, какой сироп был влит в напиток сразу после осколков льда. Кленовый или карамельный? Наверное, карамельный. Вряд ли такой эгоистичный мажорчик как Клим станет разбираться в многогранности вкуса кленового сиропа. Сладко и ладно.

– Яся, – неожиданно обратился ко мне Дима, заставив замереть с тряпкой в руке, а палец Клима зависнуть над экраном телефона. – Ты, наверное, езжай в общагу. Поздно уже. Мы с Жендосом тут всё закроем.

– Спасибо, Дим, – скомкала в руках тряпку и обошла стол. С ровной спиной, на ходу развязывая фартук и чувствуя между лопаток тяжелый взгляд, прошла мимо Клима, неосознанно обратив внимание на бутылочку сиропа в руке бармена, который он возвращал в батарею других бутылок.

Кленовый. Любопытно...

У своего шкафчика быстро сменила платье официантки на свою привычную толстовку и джинсы. Толстую косу спрятала под капюшоном. Можно было бы дожидаться Женю и вместе с ним поехать в общагу, но его трёп в конце дня после пережитого раннего подъёма, пяти пар и работы до позднего вечера мне хотелось слушать меньше всего. Мне нужна тишина, душ и холодная постель. Даже есть не хотелось так сильно как просто расслабиться и ни о чем не думать хотя бы до утра. Впрочем, боль в плече точно не даст мне о себе забыть, как и синяк, который на нем образовался.

Накинула куртку, закрыла свой шкафчик и убрала ключик от него в карман рюкзака. Распутывая на ходу наушники, вышла из каморки и сразу попала в облако мужского смеха. Клим и Дима о чем-то оживленно разговаривали и, судя по всему, было им достаточно весело. Видимо, для птицы такого высокого полёта, как Клим, болтать при прислуге, трущей столы, – ниже его достоинства.

И вот опять – я вышла и смех, и разговоры прекратились. Один короткий взгляд холодных глаз в мою сторону и его внимание снова занял телефон. Ясно. Челядь не достойна царской улыбки.

– Пока, Дим, – махнула я бармену.

– Пока, Яся, – широко улыбнулся мне парень. – И это... Спасибо ещё раз! – поднял он два пальца левой руки, обмотанных пластырем.

Ближе к вечеру умудрился проколоть их ножом для колки льда. У всех резко началась боязнь крови и паническая атака у самого Димы, пока я не дала ему нашатыря из аптечки, а сама в это время залепила пострадавшие пальцы пластырем.

– Не за что, – улыбнулась в ответ уголком губ. – Постарайся не отрезать к концу смены оставшиеся восемь.

– Как скажешь, – добродушно усмехнулся, от чего плечи крупно дрогнули. – Пока.

– Пока, – повторила и вышла из кафе, предварительно перевернув табличку на двери из «открыто» на «закрыто».

Автобусная остановка находилась через дорогу наиско-

сок. Обойдя гелик золотого мальчика, вышла на «зебру» и быстрым шагом перешла дорогу. Остановившись под козырьком остановки, надела наушники и стала топтаться на месте, ожидая приезда своего автобуса или маршрутки с нужным мне номером.

Яркий блик, отразившийся от открываемой двери кафе, ударил в глаза. Намеренно отвернувшись, но периферийным зрением, на всякий случай, наблюдала за происходящим.

Гелик моргнул фарами, покорно приветствуя своего хозяина, который сначала закинул на пассажирское кресло спортивную сумку, а потом и сам сел за руль, удерживая в руке стакан кофе.

Двигатель завелся, облако выхлопных газов взметнулось в небо, но машина так и осталась стоять на месте.

Напряжение тонкой иглой кольнуло в затылок. Чего он ждёт? Удобного момента, чтобы сбить меня своей тачкой как кеглю в боулинге? Или Женю выжидает?

Отмахнулась от своих же мыслей и уставилась в горизонт. Если у него была бы необходимость добить Женю после той стычки на парковке, то он бы это сделал еще неделю назад.

Через несколько минут, или полторы песни в наушниках, с облегчением заметила приближение автобуса. Мой маршрут. Постепенно замедляясь, он остановился ровно напротив меня с заранее открытой дверцей.

Вошла внутрь и сразу обнаружила свободное место у окна со стороны дороги. Сев, положила рюкзак на колени и при-

слонилась виском к холодному стеклу. Почти бодрит. Почти.

Дверь автобуса с шипением закрылась, мы тронулись с места, а вместе с нами от кафе отъехал гелик Клима. Пропустил нас и повернул в противоположную движению автобуса сторону.

К счастью, не в общагу, чтобы снова бродить по ней со своими дружками-идиотами.

Глава 8

– Ты принципиально не хочешь меня дожидаться? – пыхтел за спиной Женя, нагнав меня на крыльце универа.

После моего вчерашнего ухода из кафе без Жени, я узнала, что, оказывается, нужно было его дождаться и ехать в общагу вместе.

– Зачем тебя дожидаться? Дорогу до общаги ты не хуже меня знаешь.

– Просто так, – скорчил он странную рожицу, будто смысл сказанных им слов должен служить основным аргументом нашего спора. – Нам же в одну сторону, всё равно. Да и вместе веселее.

– Не знаю, – хмыкнула я и повела плечом. – Мне и одной неплохо.

– Знаю-знаю, – закивал Женя и стал спускаться вслед за мной по ступенькам. – Карина уже сказала мне, что ты королева одиночества.

Не стала комментировать то обстоятельство, что меня обсуждали за спиной и, возможно, перемыли несколько косточек.

– Ну, – остановилась я и резко крутанулась на месте, едва не заставив парня в меня врезаться. – Едем в общагу? Вместе же веселее, – с притворным восторгом потрясла в воздухе руками.

– Я на работу, – деловито заявил Женя и поправил очки на переносице средним пальцем. Двусмысленно, однако... – Это ты работаешь день через день, а у меня график два через два.

– Ты сейчас хвастаешься или мне нужно посочувствовать тебе?

– Я сам еще не понял, – поджал он губы, комично улыбнувшись с выпученными глазами. – А где Карина, кстати?

– Со своими подругами, наверное.

– Подругами? А разве вы не...

– Королева одиночества, – повела я бровью. – Сам понимаешь.

– Точно, – усмехнулся парень. Закинул руку за голову и прочесал затылок. – Ну, ты звони или пиши, если что.

– Зачем? – нахмурилась я непонимающе.

– За чем-нибудь. Может, в кафе тебя нужно будет подменить или ещё чего. Работаем же вместе.

– Мм, – протянула я бесцветно. – Кстати, а почему ты не говорил, что Клим часто бывает в кафе?

– Не так уж и часто. Раза три в неделю в конце рабочего дня приезжает за своим кофе и сваливает. А вчера он просто первый раз попал на твою смену, – разложил всё по полочкам Женя и тут же пристально всмотрелся в моё лицо. – Он что-то хотел тебе сделать вчера? Или мне? – внезапно округлились его глаза.

Едва удержалась от закатывания глаз.

– Ничего. Просто спросила.

– Ты его не бойся. Он так-то нормальный, когда без своих дружков.

– Угу. Сказал парень, который чуть глаза не выронил от страха, когда услышал его имя. Или кличку... Кличку.

– Просто инстинкт самосохранения, – попытался Женя отшутиться.

– Или эффект сжатого сфинктера, – не удержалась от маленькой шпильки.

– А ты, оказывается, шутница, – сузил он глаза.

– Тебе показалось.

– Ладно, Ясь. Поехал я, короче, – глянув на время в телефоне, застегнул куртку до самого подбородка.

– Ну, пока, – вяло махнула рукой, и мы разошлись в разные стороны.

Уже на подходе к двери нашей с Кариной комнаты мне захотелось начать биться о что-нибудь головой. Девичий смех за дверным полотном говорил о том, что внутри собрался девичник. Сегодня Карина спросила. Я разрешила, чтобы не обидеть девчонку с щенячьими глазами, с которой вынуждена делить одну комнату на двоих. Можно было бы ответить категорическим отказом и сослаться на то, что я устала после вчерашней смены и сегодняшних пар, но укол вины при взгляде на её молящее лицо заставил меня задвинуть внутреннюю мегеру в дальний угол.

Почему в общежитии нет комнат-одиночек? Как было бы хо-

рошо, боже!

Сделав предварительно глубокий успокоительный вдох, открыла дверь и вошла в комнату. Смех резко оборвался, словно за него наказывают. Возможно, моё не самое жизнерадостное выражение лица говорило о том, что я пришла на смех, чтобы покарать всех хохотушек.

И снова под ногами раскиданная обувь. Почти терпеливо стиснула челюсти.

– Привет, – донеслось с Карининой кровати от кого-то из девчонок.

– Привет, – бросила сухо и, не глядя в их сторону, повернулась к шкафу, чтобы повесить куртку и наткнуться на полный хаос из курток подружек.

Их неспособность ставить нормально обувь еще можно как-то понять. Но неумение вешать куртки за петельку – это уже, наверное, какая-то патология. За рукав, за пояс, как угодно, но только не за петельку, которая у них, кстати, есть.

Пробилась к свободному крючку и оставила на нем свою куртку так как она должна висеть.

Шёпот с Карининой кровати перерос в нормальный разговор и смешки. Наверное, они ждали, что я вот-вот поддержу их трёп и подкину свою темку для разговора.

Нет, спасибо.

– У него на днях вышел новый трек. Ваще крышак! – восхищенно вздыхала одна из подружек. – Вот, смотри!

Крышак... Крышак уже едет у меня, хотя я нахожусь в

комнате меньше минуты. А после того, как из чьего-то телефона громко заиграла откровенная попса с текстом, который не разобрать, мне захотелось уйти на старые скрипучие качели за общагой и просидеть на них до самого ухода девчонок. И ни холодный ветер, ни возможный дождь, не смогли бы меня с них выгнать.

Повернулась к столу и обнаружила на нем пустоту. Ну, хотя бы не бардак, как было в прошлый раз.

Собрала волосы в шишку на макушке. Набрала продуктов для вермишелевого супа в небольшой таз, прихватила кастрюлю, ложку, поварешку и вышла из комнаты. Около часа я могу вполне спокойно провести в общей кухне, готовя для себя и Карины ужин, в компании телефона и наушников. Всё для того, чтобы не смущать девчонок своим постным лицом и не смущать себя их необоснованным весельем.

Когда суп был готов, а я устала от сидения на жесткой табуретке и хождения по пустой кухне с белым кафелем на стенах и полу, решила, что пора возвращаться в комнату. Может, мне повезет и всей троицы там мне окажется.

Вошла в комнату с кастрюлей в руках, которую приходилось держать через спущенные рукава толстовки, так как я не подумала о горячих ручках и не взяла с собой полотенце или прихватки.

– Ой! – всполошилась Карина, когда я вошла в комнату со своей аппетитной ношей.

Подскочила со своей постели и в спешном порядке поло-

жила на стол подставку под горячее.

– Спасибо, – произнесла я вполголоса, кажется, за этот час забыв, как разговаривать.

– Как вкусно пахнет! – приняухалась соседка и поджала губы так, будто боялась уронить в суп слюни.

– Надеюсь, на вкус будет примерно так же.

– Будет. Ты вкусно готовишь.

– Спасибо, – легкое смущение коснулось моих щек.

Комплименты моей готовке еще никто не делал.

– Они тебе не нравятся, да? – неожиданно спросила Катрина, после ужина, когда мы развалились каждая в своей постели.

– Кто? – отложила в сторону электронную книгу и непонимающе посмотрела на соседку.

– Катя и Оля.

– Какая разница как я к ним отношусь? Это твои подруги.

– Я тебе не нравлюсь, да? – спросила она снова.

Ясно.

– Ты... хорошая, – подобрала я аккуратно слово. – Просто меня не интересует дружба. Я не знаю, что это такое и не хочу в это ввязываться. Только и всего. Или, говоря банально, дело не в тебе, дело во мне. Ты достойна лучшего.

Тихий смешок с соседней кровати.

– Ты никогда ни с кем не дружила?

Вот только жалости в ее интонациях мне хватало.

– Нет, – бросила коротко и снова уставилась в электрон-

ную книгу, давая понять, что разговор закончен.

– Почему? – продолжился допрос от человека, не понимающего намёки.

– Я не тот человек, с которым хотят дружить.

– Не знаю. Я бы с тобой дружила. Ты классная. Странная, но классная, – так легко и просто выдала Карина, буквально обухом ударив по голове. Послышалось шуршание простыней, свидетельствующее о том, что она отвернулась к стене. – Спокойной ночи.

– Угу, – с трудом выдавила я из себя, застыв с комком в пересохшем горле.

Флешбеки памяти пробежались мрачными картинками перед глазами, напоминая о том, что такие слова могут значить совсем не то, что мне хотелось бы слышать.

Знаем, проходили...

После полуночи, когда сон Карины давно уже перевалил за десятый, решила спуститься в душ, который, наверняка уже пустой. Может две-три таких же тихушницы и поздние птички еще чистят в нем крылья, но не больше.

Вынула из глаз линзы, спрятала их в тумбочку, прихватила полотенце, чистую одежду и косметичку. Спустилась в подвал, где в душевой обнаружила еще трёх девушек помимо себя.

Ладно. Так тоже сойдет. По крайней мере, нет очереди.

Прошла в самый конец коридора, состоящего из перегородок без дверей. За самой крайней из них стояло мусорной

ведро, пустое ведро и швабра с тряпкой. Поэтому, привычно заняв место за предпоследней перегородкой, приступила к гигиеническим процедурам. Когда с ними было покончено, выключила воду, перекинула волосы на одно плечо и мягко выжала.

– Девчонки! Кому спинку потереть? – мужской голос тут же утонул в женском визге и ругательствах.

Торопливо завернулась в полотенце, схватила шампунь, намереваясь залить его в глаза тому, кто посмеет ко мне прикоснуться, и прижалась к стене, боясь высунуть нос.

Девичьи возмущения смешались с громким смехом нескольких парней. Их было минимум четверо. Паника сковала мышцы, когда я поняла, что все те вопящие девчонки успели убежать, злобно матерясь под противные смешки неизвестных мне парней.

В образовавшейся тишине, притаилась, надеясь на то, что их вторжение не перейдет в обыск и заглядывание за каждую перегородку с целью найти жертву для их новых шуточек или еще чего похуже.

Вода выключена везде. В душевой не осталось никого кроме меня и тех парней, что не знали о моем здесь присутствии и продолжали ржать, угорая с того, как визжали девчонки, прикрывая причинные места.

Конченные идиоты.

Послышались чьи-то новые шаги.

– О, Клим, Диск! Вы всё пропустили, – оживилась ком-

пашка, а моё сердце замерло и вцепилось в рёбра, боясь хоть чем-то выдать моё здесь присутствие. — Они визжали как стадо поросят.

— Какого... вы сюда попёрлись?! — недовольный возглас их предводителя заставил стаю шакалов заткнуться и затихнуть.

— Да, брось, Клим, — вякнул кто-то со смешком в голосе. — Прикольно же.

— Это дичь, парни, — припечатал Клим.

— Реально, — присоединился к нему еще один голос. — Не могли нормальной развлекухи придумать? Или у вас интернет отключили и больше нигде на девчонок посмотреть?

Наверное, это был голос парня, к которому обратились по прозвищу «Диск».

Пока этот второй голос отчитывал шакалов, услышала шаги, которые точно приближались к месту, где я пряталась.

— Чё, Клим, думаешь кто-то остался специально для тебя? — спросил незнакомый голос с явно гнилой усмешкой.

— Закройся, — бросил ему король и, как ни странно, наступила тишина, в которой каждый новый шаг, приближающийся ко мне, был подобен удару кувалдой по вискам.

Почему именно он решил пройтись по кабинкам? Почему он, вообще, решил пройтись? Хочет найти игрушку стае своих шакалов?

Вжалась в стену спиной и приготовила шампунь, которым собралась лить в глаза любому своему обидчику.

Шаг, ещё шаг и ещё. И вот, Никита Климов остановился ровно напротив меня. Легкое удивление в светлых глазах буквально за секунду сменилось на холодное равнодушие, словно он на мгновение приподнял и снова накинул привычную маску.

Отрицательно качнула головой, обещая всем своим видом, что без боя не дамся. И пусть я в одном только полотенце, а из оружия у меня только шампунь, ему и его шакалам придётся попотеть, чтобы причинить мне хоть каплю вреда.

Заминка, которая, скорее всего, длилась не больше секунды, лично для меня растянулась на чертову вечность, где я зависла над пропастью, держась за край обрыва одним пальцем.

Голубые глаза напротив стали походить на стекло, в которых отражался лишь мой страх и отчаяние зверька, загнанного в угол.

– Валим, – бросил Клим небрежно и даже скучающе.

Повернулся к своим шакалам и всё той же неспешной походкой зашагал прочь.

– Давай, ещё кого-нибудь подкараулим, – предложил всё тот же голос, не знающего меры пацана. – Прикольно же!

– Валим, я сказал, – отрезал сухо Клим и, судя по шороху шагов, семенящих рядом с ним, компашка двинулась следом за своим королём. – Сейчас забираете свои шмотки и валите из общаги, пока вахтёрша вас за задницы не поймала. Девчонки, по-любому, ей уже настучали.

В оцепенении продолжила стоять, словно прилипнув спиной к стене. Полностью превратившись в слух, прислушивалась к каждому шороху, стуку капель по кафельной плитке и малейшему изменению атмосферы вокруг. Подсознание активно подкидывало картинку того, что они не ушли, а лишь затаились в общем коридоре подвала ровно на развилке между мужскими и женскими душевыми, чтобы получить то, ради чего пришли сюда спустились.

Рука, сжимающая шампунь, онемела. С трудом заставила себя её разжать и надеть, хотя бы трусы, пока шакалы не вернулись, учуяв запах страха, который, я уверена, витал в воздухе и заполнял весь подвал.

Закинула шампунь в косметичку. Трясущимися руками достала из пакета трусы и, не снимая полотенца, быстро вдела в них ноги. Топик тоже натянула поверх полотенца и только тогда, когда оказалась в пижамных штанах, а рядом всё ещё не было слышно шагов или чьего-то присутствия, стянула с туловища полотенце и закинула его в пакет, даже не пытаясь заморочиться с тем, чтобы обмотать им голову.

В пакет бросила и косметичку. Затаилась, чтобы снова прислушаться и не услышала ничего. Может, они и правда испугались вахтёрши и свалили из общаги пока им не прищемили хвосты?

В любом случае, оставаться здесь наедине со своим страхом до самого утра мне точно не хотелось. Можно попробовать пробежать мимо них, если они, всё же, поджидают меня

на развилке. Или можно кричать во всю глотку, если меня схватят. Тогда точно должна прибежать вахтёрша или хоть кто-нибудь из живущих на первом этаже.

Короткими, но быстрыми шагами вышла из женской душевой. Опустив голову, пошла к развилке, молясь всем существующим богам и придумывая себе новых, чтобы шакалов там не оказалось. С облегчением выдохнула, когда обнаружила освобождающую пустоту на небольшом участке старой потрескавшейся и вытоптанной с годами плитке.

Они ушли.

Но момент счастья длился недолго. Стоило мне повернуть к лестнице, ведущей вверх из подвала, как на верхней её ступеньке я увидела Климова, руки которого были спрятаны в карманах джинсов.

Лавина растерянности, паники и страха снова накрыла с головой. По крайней мере, я нахожусь близко к выходу: если начну кричать, то меня точно услышат.

– Тебя проводить? – выстрелил своим, видимо, фирменным спокойствием парень.

– Нет, – ответила я коротко, чтобы он не смог услышать, как дрожит мой голос, а сердце с громким грохотом упало в тапочки и бьётся в них выброшенной на лёд рыбой.

Подобно танку опустила голова и пошла на него почти тараном. В голове пульсировала только одна мысль: мне нужно отсюда выйти!

– Ты соврала, – остановила меня короткая фраза, когда я

поравнялась с Климовым.

– Что? – вздёрнула подбородок и непонимающе посмотрела в его лицо.

– Ты. Соврала, – отчеканил по слову, вынуждая остановить взгляд на его светлых глазах и сразу об этом пожалеть, когда из самоуверенного мажорчика он превратился в нахмурившегося парня, источающего любопытство.

– Не припомню, чтобы я с тобой общалась, – произнесла, опустив взгляд на его шею.

Только сейчас я заметила, что она усыпана татуировками. Странными, несвойственными крутому парню татуировками с ласточкой во главе и завитушками, напоминающими то ли цветы, то ли волны.

– Зато я помню, как ты сказала, что у тебя всё нормально. Болит? – спросил Климов с такой заботой в голосе, что на мгновение мне показалось, что к нам присоединился кто-то еще.

– Что? – подняла голову и непонимающе уставилась в его глаза.

– Плечо, – указал он взглядом на моё плечо, растекшийся синяк на котором после нашего столкновения плохо скрывала тонкая бретелька бордового топики. – Болит?

– А выглядит как? – иронично выгнула бровь.

– Выглядит так, будто тебе нужно к врачу, – чуть склонил он голову набок. – Отвезти?

– Обойдусь, – стиснула челюсти и попыталась просочить-

ся мимо него.

Дверь находилась буквально в двух метрах от меня за его спиной.

– Подожди... – сказал Климов и его ладонь коснулась моей талии в попытке меня остановить.

Колючий электрический разряд ударил по нервным окончаниям и отбросил меня в болото страха.

– Не прикасайся ко мне! – выплонула резко, больше подходя на ошетилившегося зверька в этот момент.

Мой короткий вскрик отлетел от кафельных стен и утонул в глубине подвала, затерявшись в темных коридорах и среди пустых перегородок.

В упор смотрела в светлые глаза, всем своим существом источая оборону, какая только могла быть в моем тощем тельце. В одном мгновение сердце, упавшее до этого в тапки, взлетело до самого горла разбилось там на тысячи осколков и теперь дребезгом шумело в ушах.

– Хорошо, – отшатнулся Климов и поднял руки ладонями ко мне, словно доказывая мне, что не вооружен.

В голубых глаза застыл немой вопрос, смешанный ещё с чем-то, что у меня не было времени считывать.

Тяжело дыша, сверлила его взглядом до тех пор, пока он не отошел в сторону от двери, открывая мне путь к выходу. Ладонь, в которой я сжимала ручки пакета уже саднило от боли оттого с каким усилием я впиалась в кожу ногтями.

Обошла его по дуге, беспрепятственно открыла дверь и

вышла из подвала, оборвав переплетение взглядов.

Перепрыгивая ступеньки, вбежала в комнату, где все так же спала Карина, закрыла дверь и прижалась к ней спиной, переводя дыхание.

Чёрт! Он увидел. Он точно всё увидел...

Глава 9

Уже четвертый по счёту будильник выключается спящей Кариной. Серьёзно. Она даже не просыпается для того, чтобы их выключать. Просто с очередным ввинчивающимся в мозг писком её телефона, тонкая рука появляется из-под одеяла, безошибочно касается какой-то невидимой кнопки на экране и снова пропадает, когда будильник глохнет.

Пятый должен быть контрольным. Обычно после пятого звонка соседка находит в себе силы для того, чтобы высунуть из-под одеяла не только руку, но ещё и голову с самым недовольным на ней лицом.

Я уже давно проснулась, умылась, переоделась и заправила постель, на которой и сидела, бездумно листая ленту новостей. В голове роились мысли, посвященные плану на день: учеба, работа и удивленное лицо Климова тоже затесалось в общем потоке. Осталось только надеяться на то, что его язык не такой длинный как его непомерное эго.

Пятый будильник мечом разрезал тишину и случилось чудо – голова Карины показалась из-под одеяла. Нахмуренное лицо выражало крайнюю степень недовольства, будто это не она наставила пять будильников подряд с интервалом в пять минут. Рука с ещё плохой координацией схватила с тумбочки телефон, поднесла его к лицу и, наконец, оборвала раздражающую мелодию.

– Доброе утро, – пробубнила соседка, засыпая на последнем слоге.

– Доброе, – отозвалась я, чем снова её разбудила.

С сонными глазами, которые с трудом держались открытыми, Карина села в постели, упёрлась стопами в пол и уставилась прямо на меня. В упор. К этому я тоже привыкла, хотя первые разы откровенно побаивалась. Сейчас я принимаю это её сидение с прямым взглядом мне в душу за загрузку старого пентиума. Около трёх минут она будет смотреть на меня почти не моргая, пока все нейроны её мозга будут активироваться. А потом ей позвонит мама, звонок и разговор с которой служат для Карины шестым и самым эффективным будильником.

– Ты плохо спала, – произнесла Карина хриплым голосом, чуть отдающим в нос, и сразу добавила. – На конце знак вопроса, если что. Интонации еще не включились.

Мои губы невольно дрогнули в улыбке. С примятыми волосами с одной стороны и взлохмаченными с другой девушка являла собой диснеевскую принцессу в современной отрисовке.

– Не могу привыкнуть к шуму из коридора, – пояснила я.

Это не было ложью. Если отбросить мысли о Климове и его шакалах, то к ходьбе и разговорам, которые порой ночами доносились из коридора, я тоже не могла оставаться спокойной. Всё-таки, дверь в комнату иногда казалось условностью. И хоть её открывали только с ключа, выглядела она

так, что её открывашкой мог послужить любой неосторожный чих или слишком громкий смех рядом. Условный барьер, словно сделанный не из куска дерева, а из картона не самой высшей прочности.

– Я бы поделилась с тобой своей сверхспособностью дрыхнуть как убитая, но ты не любишь жаркие объятия, – повела бровью соседка и отклонила голову назад. – Если что, то на этом месте я должна была посмеяться.

– Я так и поняла, – улыбнулась я шире и отложила телефон.

Прислонилась спиной к стене и снова посмотрела на Карину, которая тёрла глаза кулаками, как делают маленькие дети в кино.

Повисшую между нами тишину нарушил звонок на телефон соседки.

– О, мама, – подавляя зевоту, она взяла телефон, мазнула по дисплею пальцем и прислонила его к уху. – Привет, мам... Нет, я проснулась сама с первым же будильником... Мне же не пять лет, мам! – притворно возмутилась она, а затем, привычно прижав телефон плечом к уху, встала с кровати, достала из тумбочки полотенце и косметичку, вышла из комнаты, продолжая диалог с матерью.

Добрая зависть сжала моё сердце и сразу отпустила. Винить Карину или относиться к ней с ненавистью только потому, что у неё хорошие любящие родители, как из рекламы майонеза, я не собиралась. Просто, иногда мне хотелось

так же ненавязчиво трепаться с матерью по полчаса, но, к сожалению, разговоры между нами, длительностью больше нескольких коротких минут, уже можно было считать фантастикой.

Мама не плохая, нет. Просто мы давно стоим с ней на разных берегах и видим жизнь каждая со своей точки и с высоты своего берега.

Посмотрела на свой телефон, с трудом вспомнив, когда последний раз она мне звонила. Кажется, это было в день моего заселения в общагу, то есть недели три назад. Мы поругались. Можно, конечно, позвонить самой, но существует риск нарваться. Не мне, а маме.

Может, написать смс-ку? Нет. Я уезжала из родного города с одним единственным настроем – больше никогда в него не вернуться. Пусть в него хоть ангелы спустятся, даровать всем бессмертие, я всё равно не пересеку его границы. Вряд ли найдётся во всем мире хоть одна идиотка, которая, однажды вырвавшись из места, в котором терпела унижения и боль, добровольно вернется в него снова.

Потянулась к рюкзаку, чтобы закинуть в него пропуск и тетради. Едва потянула за молнию, как телефон издал протяжную вибрацию, свидетельствующую о входящем звонке.

«Мама» – светилось на экране.

Разве я отправляла запрос во Вселенную с требованием того, чтобы она мне позвонила? Это были лишь мысли, которые могли утонуть в потоке дня. Но телефон разрывался

мелкой вибрацией на подушке, вынуждая взять его в руку и с настороженностью ответить на звонок.

– Да? – бросила я сухо.

– Привет, доча, – мамин голос казался ровным, спокойным. Значит, она одна. – Как дела? Давно не общались.

– Привет, мам, – ответила я словно не своим голосом. В груди давило и неприятно жгло. – Всё хорошо. Учусь, работаю.

– Работаешь? Уже? Может, не нужно себя так сильно нагружать в первый же месяц? Я бы тебе отправила денег.

– Мы обе знаем, что ты бы этого не сделала. Он бы тебе не позволил.

Молчание, в котором утонул её тяжелый вздох, растянулось.

Спорить со мной не было нужды. Мама знала, что я права.

– У тебя всё нормально? – спросила она с неподдельным волнением в тихом голосе. – Не обижают?

– А тебя?

– Всё хорошо, Яся, – в трубке снова послышался вздох и звон посуды. – Ты уже завтракала?

– В универе поем.

– Может, тебе какую-нибудь посылку собрать? Что хочешь?

– Мне ничего не нужно, мам. Всё есть.

На том конце провода послышался шорох и тяжелые шаги.

– Точно всё есть, доченька? – голос мамы резко изменился, став более громким и почти писклявым.

– Ты с кем там? – от звука мужского голоса к горлу подкатила тошнота.

В голове вспыхнула картинка того, как он входит в кухню в трусах и майке и сразу лезет в холодильник, чтобы из него же сразу и питаться.

– Ой, Валер, это Яся звонит, – поспешила ответить мама.

– Привет ей передавай, – пробасил голос и захлопали кухонные шкафчики. Кофе ищет.

– Папа тебе привет передаёт, Ясь. Она тебе тоже привет передаёт, Валера, – ответила за меня мама, отчего глаза мои закатились.

– Чё, Славка, жениха уже нашла? – его голос с поганой ехидцей снова зазвучал громче всего остального.

Прикусила внутреннюю сторону щеки. Ненавижу, когда он применяет эту форму моего имени. Да, я Ярослава, но Славкой я быть точно не хочу.

– Напомни ему, что я уехала учиться.

– Не до женихов ей, Валера. Учёбы много, – хохотнула мама, словно я ей тут анекдоты травила, а не ненавистью сочилась.

– Ладно, мам, мне пора, – оборвала возможный поток вопросов и идиотских шуток с той стороны и сбросила вызов, не дожидаясь ответа матери.

Телефон снова был брошен на подушку, а настроение, ко-

торое, казалось, нормализовалось с пробуждением Карины, вновь упало на дно.

Глава 10

Вечер пятницы. Кафе насыщено посетителями, звенит вилками и шумит как пчелиный рой болтовнёй.

Романтичные парочки тихо хихикают, держась за руки, компании в три-четыре человека иногда заполняют пространство коротким смехом, а диванчики, стоящие друг напротив друга у панорамного окна, взрываются диким ржачем каждые две минуты.

Компания Климова в полном составе. Все как на подбор с наглой рожей и отсутствием такта к окружающим.

К счастью, «честь» обслуживать их столик выпала не мне. Но и другой девочке – моей коллеге – приходилось несладко. Каждый раз отходя от их столика, казалось, что она с трудом сдерживает себя от того, чтобы не начать рыдать у всех на виду. Плоские шуточки с грязным намёком от дружков Климова вызвали чувство отвращения даже у меня.

– А правда, что официантки не носят бельё под формой? – мерзкий тон Равы, от которого тянуло блевать, ударил в затылок, пока я обслуживала соседний с ними столик.

– Неправда, – ответила моя коллега так затравленно, что я с трудом сдержала в себе желание вылить на голову этого идиота графин с холодной водой.

– Докажешь? – сальный тон Равы и взрыв смеха за их столом.

Бросила быстрый взгляд на их компашку, чтобы разочароваться в каждом ещё больше. Но смеялись все, кроме Климова и парня, с которым он разговаривал чуть к нему склонившись. Похоже, эти двое и не вслушивались в то, что происходило рядом с ними, будучи увлеченными беседой друг с другом.

Тот голос из душа, подстрекающий подкараулить ещё девчонок, принадлежал Раве. Странно, что вчера я его не узнала. Хотя, объятая страхом и паникой в помещение с не самой лучшей акустикой, я бы, наверное, и свой собственный голос не узнала.

Рука, сжимающая маленький блокнот для приема заказов, сжала его ещё сильнее. Я с трудом могла находиться недалеко от шакалов, а Кате, моей коллеге, приходилось обслуживать из напрямую и бегать по каждому незначительному капризу.

– Ещё что-нибудь желаете? – спросила, подарив парочке, сидящей за столиком, который обслуживала я, дежурную улыбку.

– Счёт, пожалуйста.

– Хорошо. Подождите минуточку.

Крутанулась на месте и, проходя мимо Кати, ободряюще сжала её плечо, делая вид, что между мной и ней осталось совсем узкое пространство, поэтому не коснуться оказалась невозможным.

Хрупкая фигура дрогнула, большие карие глаза посмот-

рели на меня с благодарностью и страхом.

– О, рыжуха! А чего не здороваешься? – похоже, Рава почувствовал себя сегодня королем вечеринки.

Посмотрела на него как на идиота и на мгновение встретила взглядом с Климом, который соизволил оторваться от болтовни со своим другом.

Сделала вид, что не заметила выпада в свою сторону и снова посмотрела в глаза Кати, которая безмолвно просила не уходить далеко.

Успокаивающе улыбнулась ей, давая понять, что скоро эти идиоты пожрут и уйдут. Просто нужно немного перетерпеть.

Подошла к барке, выбила счёт и вложила его в расчетницу.

– Яся, перекуси хоть что-нибудь, – крикнул мне в спину Дима, едва я отошла от стойки. – Ты сегодня вообще не ела.

– Позже, Дим, – улыбнулась ему и, сделав шаг, врезалась в Катю, в глазах которой застыли слёзы. – Ты чего?

– Обслужи, пожалуйста, вместо меня их столик. Я больше не могу, Яся, – нижняя губа девушки дрожала в своем отдельном танце. Казалось, ещё одно неосторожное движение или слово, и она разрыдается белугой.

Посмотрела ей за спину, где ржали парни, ковыряясь в зубах зубочистками. Значит, их ужин подходил к концу, и они скоро свалят.

– Хорошо, – согласилась я нехотя и вложила ей в руки

расчетницу. – Четвертый столик. И прибережи за меня угол интроверта, пожалуйста, – указала я подбородком на одинокий диванчик в углу около стеллажа с книгами.

– Спасибо, Яся! Я всё сделаю, – спешно подобрала Катя сопли и, кажется, выдохнула с облегчением.

А вот мне пришлось глубоко вдохнуть и на мгновение задержать дыхание, чтобы приготовить себя ко встрече с самой настоящей навозной кучей в виде стаи шакалов и её предводителя.

– О, рыжуля, – растеклось в мерзкой улыбочке лицо Равы. – А ты к нам, да? Всё-таки, решила поздороваться.

– Ты же здесь. Не смогла устоять, – улыбнулась максимально фальшиво, чтобы это было понятно всем. – Есть дополнения к заказу?

Оглядела компашку парней за столом по очереди, на одну секунду дольше чем на других, задержавшись на Климове.

И что это за ухмылка? Надеюсь, он и дальше будет молчать.

– А чё Катюшка от нас ушла? – спросил Рава и указал подбородком в угол, где девушка составляла книги обратно на полки стеллажа.

– У неё обострилась аллергия на идиотов. Лечится энциклопедией, – ответила я вполне спокойно, и над столом пролетел смешок: парень, с которым до этого активно общался Клим, не удержался. Сам же Клим предпочел спрятать легкую улыбку за стаканом колы. А вот остальные, кажется, не

поняли иронию.

— Кстати, всё хотел спросить, — подался чуть вперед Рава. С трудом не отступила назад. — А как тебе такой рыженькой удалось избежать костра инквизиции?

— Так же как тебе когда-то удалось избежать раздачу мозгов, — ответила я всё с той же фальшивой улыбкой и посмотрела в его глаза, которые сузились. В этот раз намёк был понят.

— Слышь... — дёрнулся он и тут же был осажен.

— Заткнись, — остановил его Клим.

— Но...

— Иди проветрись, — сдержанный кивок в сторону панорамного окна оказался для парня не менее освежающим.

— Идём, парни, — в голосе Равы была слышна сдерживаемая агрессия, помноженная на обиду.

Вслед за ним встали все, кроме Клим и того парня, с которым он, в основном, общался.

— Раву пора сливать, — сказал тот второй. — Что-то много себе стал позволять.

— Посмотрим, Диск, — обтекаемо ответил Клим, ставя стакан с колой на край стола.

А вот и Диск из подвала. Всё ясно.

— Ещё что-нибудь будете заказывать? — спросила, теряя терпение.

Слушать течение их политических игр внутри компашки мне не хотелось.

– Нет, – ответил Клим. – Принеси счёт... пожалуйста, – кажется это слово далось ему с трудом и болью. – Ярослава, – дополнил он, посмотрев на бейджик на моей груди.

– Хорошо, – ответила я привычно и в этот раз решила обойтись без дежурной улыбки. Одной на весь вечер им хватит.

Подошла к барной стойке и передо мной сразу материализовалась блюдо с бутербродом на нём.

– Перекуси, – настаивал Дима.

– Мне некогда. Позже.

– Ты так уже два часа говоришь, – вклинилась Катя. – Все поели, кроме тебя. Укуси хоть разок, пока в обморок не шлёпнулась.

– Ладно, – сдалась я и быстро откусила угол от бутерброда. – Вкусно. Спасибо, Дима.

– Сейчас отдашь счёт и доешь, – проворчал тот в ответ.

– Постараюсь.

Взяла расчетницу с обозначенной в ней кругленькой суммой и вернулась к столику, за которым сидел Клим. Один. Парень по кличке Диск, похоже, тоже решил выйти подышать.

– Ваш счёт, – положила перед ним узкую черную папку. – Наличными или по карте?

– Наличными, – ответил он и притянул расчетницу ближе к себе. Открыл, вложил в неё несколько купюр.

– Это гораздо больше, чем нужно, – обратила я внимание.

– Чаевые, – ответил он словно небрежно.

Пять тысяч – чаевые? Кучеряво.

– Этого много, – всё же решила я настоять.

– Это тебе на нормальный ужин, а не на бутер под барной стойкой и шавуху на качелях, – протянул он папку с вложенными в неё деньгами и посмотрел в глаза с лукавой усмешкой. – Или твоя гордость не позволяет тебе принимать деньги от золотого мальчика?

Всё-таки, запомнил мои слова на парковке.

– Зато тебе твоя гордость позволяет раскидываться деньгами родителей, – парировала я и взяла папку с другой стороны, понимая, что он не отстанет и спорить с ним бессмысленно. – К счастью, эти чаевые станут отличной компенсацией для девочки, которую мне пришлось подменить.

Потянула расчетницу, которая оказалась намертво зажата его пальцами.

– Эти чаевые для тебя, – настаивал Клим, разглядывая моё лицо. Не стала ничего отвечать. Своё решение я уже озвучила. – Твои глаза...

– Не твоё дело, – резко оборвала его и выдернула папку. Нацепила на лицо дежурную улыбку и быстро отчеканила. – Всего доброго! Приходите к нам ещё.

Крутанулась на пятках и с ровной спиной подошла к барке, где стояла Катя в компании с Димой.

– Это тебе. Чаевые, – положила перед ней папку и взяла с тарелки надкусанный мной бутер, намереваясь его доесть.

– Так много?! – округлились её глаза.

– Компенсация за моральный ущерб, – агрессивно нажевывая бутерброд, мазнула по залу взглядом и поймала недовольство в голубых глазах, когда миграция денег прошла явно не по тому сценарию, что он нарисовал в своей голове, а с недобитым упрямством жевала сухой бутер.

– Давай поделим. Пополам, – предложила Катя. – Дима, разменяй, пожалуйста.

– Нет, – отмахнулась от неё. – Я только принесла и унесла счёт. Это твои деньги.

– Но... – робко пыталась настоять на своём Катя.

– Мне пора, – вернула недоеденный бутерброд на блюдце, прихватила меню и двинулась к своему столику интроверта, за который устраивался мужчина средних лет.

Глава 11

Рука с зажатой в пальцах ручкой мелко дрогнула. Снова лошадиный смех с соседней кровати проник в самый мозг, пробившись через завесу в виде музыки в наушниках.

И как им только это удаётся? Смеются так, будто кто-то из них умеет шутить.

Карина вышла из комнаты несколько минут назад, чтобы с кем-то поговорить по телефону. Две клуши – Оля и Катя остались сидеть на ее кровати и раздражать меня своим вульгарным поведением двух куриц, опорожняющихся с, каким им кажется, высокой жердочки, но по факту, они была не сильно оторваны от земли. Разве что в своих мечтах они имели высокий полёт и мнение, которое было интересно хоть кому-то кроме их отражения, которым они регулярно любовались, то в маленьких зеркалах, то через фронтальные камеры телефонов.

– Мда... – протянула одна из «подружек». – Не хотела бы я быть рыжей. Это же ничего кроме зеленого и коричневого не наденешь. Тоска.

Сказала та, что была блондинкой и, похоже, не признавала ни один другой цвет кроме всех оттенков розового и белого.

Столь вольно был развязан её язык только потому, что я сидела в наушниках, доделывала таблицу, которую вчера не успели заполнить на паре, и все были уверены, что я их не

слышу, будучи запертой в своем мирке. Они даже проверили насколько хорошо я их не слышу, позвав меня несколько раз по имени и эйкнув в качестве контрольного сигнала, на который я специально не отреагировала.

Ни то, чтобы я их подслушивала нарочно, но иногда попадались достаточно тихие мелодии и их болтовню, при которой они говорили так громко, будто находились в клубе, было отлично слышно.

– И как Карина с ней живёт? – голос второй «подружки». – Она же капец какая странная. Ни с кем не общается... Такая и придушить ночью подушкой может.

Боги! Лично вас обеих я могу придушить подушкой и при свете дня.

– Знаешь, – цокнула блондинка. – Карина тоже немного того. Ты видела её этот шарф до пола? А эти кудри? Будто какого-то барана ей на парик подстригли.

Рука с ручкой зависла над листом. К горлу подкатила желчь, которая требовала освобождения прямо здесь и сейчас.

Не знаю, что там насчёт барана, но две овцы напрашивались на то, чтобы я обстригла их зажигалкой.

Вряд ли Карина хоть раз позволяла себе подобное обсуждение одной из этих... за спиной. По крайней мере, при мне она о них ничего плохого ни разу не сказала.

Не лезь, Яся. Не лезь!

Чертов выходной. Ни в универ не свалишь, ни на работу.

А добровольно слоняться по улице при таком ветре мне не хотелось бы. Хотя, послушав краем уха мерзкий трёп двух куриц, я бы лучше предпочла простыть под осенним ветром.

— Кстати, слышала, что Клим устраивает в следующие выходные тусу на даче своих родителей? — к счастью для них, тема разговора резко ушла в другое русло, к счастью для меня — неинтересное мне.

— Да?

— Ага. Его предки сваливает за границу погреть кости и загородный коттедж в его полном распоряжении.

— Круто!

— Что крутого? Нас-то по-любому не пригласят. Туда, наверное, только старшаки попасть смогут и то не все.

— Может, можно как-то к нему подкатить, чтобы он нас тоже пригласил? — игривый тон с очень жирным намёком вызвал приступ тошноты. Если она так продолжит и дальше, то меня точно вывернет на мой же конспект.

— Надо попробовать. В понедельник надену своё лучшее платье. Он не устоит.

Рукалицо. Продать натуру, чтобы получить доступ к вечеринке, разбор которой вполне может произойти в эфире программы «Пусть говорят».

— О, Карина! — оживились обе, когда в комнату вошла моя соседка с зажатым в руке телефоном и горящими глазами. — А мы уже скучать без тебя начали.

Боже, сколько фальши...

– Да, мне просто мама позвонила, – хихикнула Карина, словно оправдываясь перед ними.

Максимально незаметно закатила глаза.

– Фу, – вякнула одна из куриц. – Это же стрёмно, когда предки называют просто так.

Бросила взгляд над тетрадью на Карину, которая заметно замялась и посмотрела на меня так, словно искала поддержки.

– Да нет, – повела соседка плечами. – Нормально. Я привыкла.

Даже стало немного обидно за её мать, когда она за безразличным словом «привыкла» спрятала их разговоры, которые могли длиться по полчаса и проходили в атмосфере смеха и небывалого для меня откровения между дочкой и матерью.

Похоже, Карина только что закинула в личную тюрьму светлую любовь к своей матери, чтобы не перестать нравиться своим, с позволения сказать, подружкам.

Достаточно низкое, но, в общем-то, понятное поведение. Но вместе с тем не хотелось бы, чтобы к концу курса моя солнечная соседка превратилась в подобие меня. Два унылых дерьма на одну комнату – откровенный перебор.

– Карина, – стянула я наушники с головы и посмотрела на соседку, настроение которой заметно упало с момента входа в комнату и открытия рта блондинкой. – Я в магазин. Пойдёшь со мной?

– Я... – растерялась она, бросив растерянный взгляд на куриц.

– Надо на неделю затариться. Мы планировали, – подталкивала я её к мысли избавиться от «подружек».

– Да, точно! – осенило её. – Девчонки, простите. Но правда надо сгонять в ТЦ.

– Хорошо, – отложила я тетрадь и телефон. – Сейчас наде-
ну свою любимую зеленую толстовку и коричневые джинсы.
От маленькой шпильки я, всё же, не смогла удержаться.

Глава 12

– Тележку возьмём? – спросила Карина на входе в супермаркет.

– Нам корзины хватит. Всё равно много не наберем. Холодильника-то нет.

– Ну, да, – кивнула соседка и взяла за черные пластиковые ручки небольшую красную корзину.

– Пойдём в отдел макарон, круп и прочей злаковой фигни. У нас гречки маловато и рис ещё нужен.

– Пойдём.

Карина безмолвно следовала за мной между рядами. Явно погруженная в какие-то свои мысли, бесцельно созерцала полки, иногда касаясь их содержимого кончиками пальцев. Длинный фиолетовый шарф и правда свисал одним концом почти до самого пола, но ей это максимально шло и, на мой взгляд, не казалось нелепым. Даже забавно и удивительно, как ей удавалось не запутаться в нём ногами. Свои обычно кудрявые волосы она выпрямила. Она часто их выпрямляет. Вероятно, в этом тоже скрыты некоторые комплексы и неприятие её естественной социумом.

Или конкретными двумя курицами...

Можно, конечно, спросить, что её гложет прямо сейчас и почему она не болтает без умолку, как делает это обычно, но вряд ли я могу себе позволить ступить на территорию посто-

ронного мне человека, пусть даже мы соседки по комнате.

– А где то печенье овсяное с шоколадной крошкой, которое ты всегда покупаешь? – спросила Карина.

– Оно с другой стороны этого стеллажа.

– Вкусное. Я раньше не любила овсяное печенье.

– Почему?

– Думала оно сделано из овса... ну, который для лошадей, – смущенно улыбнулась соседка.

– Ясно, – хохотнула я и забросила в корзину в ее руке пакет с рисом и такой же с гречкой. – Пойдём за нашим любимым – лошадиным?

– Пойдём, – заметно расслабилась она, но сразу напряглась, когда мы обошли стеллаж и вышли к полкам с печеньем и прочими сладостям.

Вроде ничего такого невероятного не произошло. Лично для меня. Просто парочка – неизвестная мне девушка и парень по кличке Диск. Но для Карины увиденное, отчего-то, стало тем, что снова пустило её настроение под откос.

– Ну, Даник. Ну, пожалуйста! – как капризный ребенок канючила рядом с ним девушка, надувая губки и складывая бровки домиком, а руки в молящем жесте. – Ну, купи мне шоколадочку! Или киндер...

– Слипнется, – коротко отрезал парень и мазнул взглядом по мне, чтобы затем откровенно и слишком очевидно задержаться на Карине, идущей следом за мной с самым невозмутимым видом.

И когда она успела так быстро взять себя в руки.

– Ты мне ещё рафаэлки обещал, – продолжала гнусавить девушка, совершенно не заботясь о том, что она находится в магазине не одна и, вполне может быть, что у парня – такого же студента, как и мы, – просто на всё это может не быть денег.

– Привет, кудряшка, – словно забыв о ноющей рядом девушке, с неожиданно милой улыбкой парень поприветствовал Карину, на что получил лишь неразборчивое фырканье, а затем я оказалась подхвачена ею под локоть и уволочена в противоположный угол магазина поближе к моющим и прокладкам.

– Придурок, – ворчала Карина себе под нос. Очень наигранно ворчала. – При своей же девушке клеить другую. Ненормальный.

Прикусила внутреннюю сторону щеки, чтобы не улыбаться и сохранять вместе с ней легенду того, что ей это и в самом деле было неприятно.

– Он тебе не нравится? – спросила я словно между прочим, пробегаясь незаинтересованным взглядом по полкам.

– Нет, конечно! – цокнула соседка крайне возмущенно. – Он же придурок из банды Клима! А мы с ними не на одной стороне.

– Мы? – вопросительно подняла брови и повернулась к Карине.

– Ну, тебе же они не нравятся. И мне они тоже не нравят-

ся, – странная логическая цепочка, не имеющая основания повисла в воздухе.

– У меня есть свои причины для того, чтобы мне не нравились люди подобного толка. Но это не значит, что и ты должна перенимать мою сторону и моё поведение. Я – это я, а ты – это ты. Он тебе нравится? Как его, кстати, зовут?

– Данияр. Данияр Исхаков, – ответила Карина так, словно имя этого парня вызывало у нее чувство нестерпимой тошноты. Скрестила руки на груди, словно закрываясь от меня. – И нет. Он мне не нравится!

– Ну, да, – выгнула я иронично бровь. – Я так и поняла.

Глава 13

Сегодня я спасена. Сегодня я иду на работу и необходимость слушать трёх веселых подружек на соседней кровати отпала сама собой.

– Ты на работу, да? – спросила Карина, заметив мои сборы.

– Да. Через день же график, – ответила я, надевая кожаную куртку поверх клетчатой зеленой рубашки.

К сожалению, коричневые джинсы были постираны и висели на сушилке, так что удовлетворить стереотипность двух Карининых подружек сегодня не получилось.

– Тогда вечером открывай дверь ключом. Мы с девчонками гулять пойдем. В клуб. Наверное, допоздна, – подошла ко мне Карина и как-то странно помялась на месте, перекатившись с пяток на носки и обратно.

– Хорошо. Открою ключом, – ответила я, закинув лямку рюкзака на плечо. Посмотрела на соседку, которая смотрела на меня, как хомяк на кота, и, сократив между нами расстояние, вполголоса спросила. – Всё нормально?

– Д-да, – чуть заикнувшись ответила она и излишне nervно заправила волосы за уши. – Просто... это...

– Что?

– Давай выйдем, – ухватилась Карина за мой локоть и поволокла меня к выходу из комнаты. Закрыла за нами дверь,

отвела от нее подальше и даже на таком расстоянии от своих подружек шепотом произнесла. – Я знаю, что ты, скорее всего, мне откажешь, но... Сходи со мной в субботу на вечеринку к Климу. Пожалуйста, Ясь!

– Я не хожу на такие мероприятия. Думала, по мне это хорошо видно.

– Да, но... – прочесала она нервно бровь, стараясь не смотреть мне в глаза. – Меня Данияр пригласил.

Прикусила внутреннюю сторону щеки. Теперь её нервозность умиляла, а не тревожила.

– И что? Возьми своих подружек. Они как раз хотели пойти, – кивнула я на закрытую дверь нашей с ней комнаты.

– Тут это... – снова начала она мяться и смотреть на меня так, словно я ее вот-вот ударю. – В общем, он просил взять тебя с собой. Только тебя.

– Меня? – мои брови сейчас, кажется, уползли в волосы. – Зачем?

Неприятное предчувствие тяжелым камнем упало в желудок.

– Я не знаю, – пожала она плечами и спрятала руки за спиной.

Первый признак лжи.

– Точно не знаешь? – надавила я, прибавив интонации скепсиса.

– Он мне не сказал, но мне кажется, что для Клима.

– Пфф, смешно, – фыркнула я апатично. Достала из рюкзака.

зака наушники, всем видом давая понять, что это предложение и предположение к нему не являются для меня интересными. – Ну, да. Самоуверенный мерзавец вдруг стал скромняшкой. Охотно верю. Ладно, мне пора на работу.

– То есть ты не пойдёшь, да? – всё же спросила Карина вдогонку.

– Не пойду. Бери подружек. Они от такого предложения будут в восторге, – бросила ей через плечо и надела наушники на голову, прижав их к ушам. – Пока.

Махнула ей рукой и стала спускаться по лестнице, выискивая в телефоне подходящий для прогулки до автобусной остановки трек.

Неспеша пролистывая плейлисты, шла прижимаясь к стене, чтобы никто меня, не смотрящую себе под ноги и перед собой, не снес, и я тоже ни в кого не врезалась.

Но нашелся тот, кого мучила непомерная широта.

Уткнувшись телефоном в чью-то мужскую грудь, рывком скинула с головы наушники и подняла взгляд, сразу встретившись с легкой нахальной полуулыбкой, а затем и с голубыми глазами, разглядывающими моё лицо с неподдельным любопытством.

– Подвезти? – спросил Климов, слегка склонив голову набок.

– Нет, – ответила я сразу, пытаюсь найти подвох на дне его светлых глаз.

Откуда столько доброты? Его покусали пушистые котят-

ки?

— Как знаешь, — хмыкнул он с долей пофигизма и, оттолкнувшись от стены, к которой прижимался плечом, обошёл меня по дуге и продолжил подъем по лестнице, словно ничего и не было.

Еще секунду простояла в легком ступоре и недоумении, глядя ровно туда, где были его глаза. Камень недоброго предчувствия в желудке превратился в булыжник и, наверняка, с каждой прожитой минутой будет стремиться к размеру скалы.

Глава 14

И точно.

Скала в желудке разрасталась. Каждый звон наддверного колокольчика поднимал волну легкой паники и заставлял сканировать каждого нового посетителя кафе.

Тревога нарастала вместе с ветром за окном. К концу рабочего дня я стала похожа на комок оголенных нервов. Тьма за стеклами кафе, которое мне нужно будет вот-вот покинуть, вселяла еще больше паники.

Паранойя на пустом месте раздражала меня куда больше, чем вероятность того, что кто-то может прийти по мою душу.

– Яся, – позвала меня Катя, заставив крупно вздрогнуть.

Оторвалась от протирания стола и повернулась к девушке, идущей ко мне.

– Бросай ты всё это, – махнула она на стол. – Я сама всё уберу. Ты на автобус опоздаешь.

– А ты?

– Я тут рядом живу, – махнула она себе за спину. – За кафе, через двор. Иди. Мы с Димкой тут всё закроем.

– Хорошо, – вложила в протянутую мне руку тряпку, которой Катя сразу продолжила протирать столик.

Переделась в подсобке и вышла из кафе, прощаясь со всеми на ходу.

Автобус уже подъезжал к остановке, когда я вышла из ка-

фе и едва не оказалась в полёте вместе с дверью, которую ветер буквально вырывал из моих рук.

– Чёрт! – выругалась себе под нос и, быстро глянув по сторонам, побежала через дорогу к автобусу, уже отъезжающему от остановки. – Стойте! – махала руками, надеясь на то, что меня заметит водитель или пассажиры. – Подождите!

Но автобус лишь набирал скорость, пока не растворился в горизонте, оставив меня на остановке одну.

– Класс! – выплюнула я безрадостно. Отошла к остановке и открыла приложение со списком маршрутов онлайн. Нужный мне автобус оказался последним на сегодня. До остановки другого автобуса, который сможет максимально близко подвезти меня к нужному месту, я просто не успею добраться. – Молодец, Яся! Работница года.

Закинула телефон в карман куртки, надела наушники на голову и двинулась до общаги пешком. Другого варианта у меня нет. Можно, конечно, вызвать такси, но для студентки с мизерной зарплатой это самое настоящее расточительство. Да и идти не так уж и много: буквально четыре остановки, и я в общаге.

Ветер рвал кроны деревьев. Издалека донесся запах дождя, которого город ждал уже неделю, но небо все никак не могла «разродиться», лишь продолжая гонять свинцовые тучи над головами.

От очередного порыва холодного ветра вжала голову в плечи и посмотрела в пасмурное небо.

– Потерпи, – шепнула я ему. – Дойду до общаги, а потом лей сколько хочешь. Полчаса потерпи только.

Но как насмешка, небо ударило мне в лицо парой крупных капель, а уже в следующее мгновение обрушилось потоком дождя, словно над моей головой лопнул шарик, наполненный водой.

– Блин! Блин! Блин! – куртку с плеч лихорадочно натянула на голову и перешла на бег.

С таким же успехом можно было вплавь по реке добираться до общаги. Косой дождь, гонимый сильным ветром, рвущим ветки, забрался под одежду и уже стекал ко мне в джинсы.

Смысла прятаться от дождя не осталось – я уже была насквозь мокрая и просто отпустила ситуацию вместе с курткой, позволив той вернуться мне на плечи. Сняла наушники и закинула их в рюкзак.

Кто-то из прохожих пытался удержать зонт, который ветер вырывал из его рук, а я просто шла, обняв себя.

Вот он этот момент – когда, попав под дождь, не пытаешься от него спрятаться, ибо попросту промокла до нитки.

Морщась от потоков воды, стекающих по лицу, бросила озлобленный взгляд на черное небо. В голове промелькнул вопрос: доволен или ещё что придумаешь? Метеорит?

Опустила голову, продолжая смотреть прямо перед собой на размытую дорогу, и зашагала дальше. Уверена, если бы не шум дождя, то можно было бы услышать, как я топаю.

Сощурилась от света фар едущей мне навстречу машины. На всякий случай отошла к краю тротуара подальше от дороги, иначе меня бы точно окатило еще и водой из-под колес.

Судя по звукам за мной, проехавшая машина решила вернуться. Я ускорила. Рядом был только небольшой городской парк с детской площадкой, которая даже не освещалась.

Шум двигателя машины становился всё ближе, пока прямо у тротуара не остановился черный «гелик» Климова.

Тонированное стекло поползло вниз.

– Садись, – бросил мне коротко парень.

– Нет, спасибо, – ответила я нарочито вежливо и спокойно, но голос дрогнул, когда дрожь из-за холода прокатилась по всему телу.

Обнимашки с самой собой под потоками холодного осеннего ветра и дождя мало напоминали тропики.

– Садись, простынешь, – настаивал Климов, едущий вровень со мной, настойчиво топчущей тротуар.

– Нет, спасибо, – бросила я, продолжая идти дальше, глядя на размытую перед глазами дорогу.

Рокочущий рядом мотор взревел, машина сорвалась с места и, к моему облегчению, поехала дальше. Но, проехав меньше ста метров, остановилась. Аварийные огни заморгали красным. Буквально через пару мгновений водительская дверь открылась и из тачки вышел Климов голый по пояс.

Опешила.

Какого...?!

Он же был в толстовке! В дождь что-то добавлено? От холода бывают галлюцинации?

Широкими шагами парень подошёл ко мне и, шурясь от потоков дождя, произнес.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.